

НАСЛЕДИЕ БЕЙКЕРА

Диланс Райз

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Вкус беззакония

Дилаис Райз

Наследие Бейкера

«Автор»

2025

Райз Д.

Наследие Бейкера / Д. Райз — «Автор», 2025 — (Вкус беззакония)

Он больше не козырь. Теперь он — наследник империи и её глава. Но организация трещит по швам, готовая похоронить под обломками всех, кто ему дорог. Свет оказался клеткой, взгляды — прицелами. Каждое слово имеет вес, каждый шаг — последствия. Секреты в его голове не спасают от груза ответственности и не помогают найти правильное решение. Назад дороги нет. Лиам борется за жизнь своих людей и готов нанести удар. Потому что Ключ ничего не забывает.

© Райз Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Дилаис Райз

Наследие Бейкера

Глава 1. Память

«Мафия — это не игра, в которую захотел — поиграл, захотел — прекратил. Если ты начал, то должен быть верен ей до конца, выйти можно лишь одним способом — вместе со смертью»

Лекси де Эстер

И что дальше?

Этот вопрос вставал в горле ребром. Что теперь делать? Что теперь?

Вой сирен стоял у Лиамы в ушах даже сейчас. Её завывания так и блуждали эхом по его сознанию и лишь боль приглушала все звуки, как снежный покров, который накрывал город в ту злополучную ночь. Укрывал улицы от шумящих полицейских, укрывал слабонервных горожан. Собственный голос казался чужим, он точно не принадлежал ему, это был другой человек. Точно другой. И слёзы — чужие. Как и тот юноша, до беления костяшек вцепившийся в чьи-то руки. Это горе было не его. Райз лишь смотрел на него со стороны.

А снег продолжал оседать на холодный асфальт и скрести сердце, обливающееся кровью от такого количества боли. Оно сжалось так, что стало трудно дышать.

Внутри Лиам определённо оказался мёртв. Оболочка — жалкий обман человеческих глаз. Всё, что являлось частью его души, в один миг разрушилось окончательно. Испепелилось и разлетелось на том самом пронизывающем насквозь ветру. И пальто, накинутое на плечи, не согревало. В груди тяжёлым грузом разрасталась ледяная глыба. Корка покалывала и покрывала всё, что говорило Лиаме о том, что он всё ещё жив.

Последняя капля.

Этого стало достаточно, чтобы измениться навсегда. Большого и не требовалось, даже пальцем шевелить не понадобилось. Это произошло по щелчку, словно в душе дёрнули выключатель и вырубил весь свет. Запасных генераторов не осталось.

Душа погрузилась во всепоглощающий мрак.

Эмоции исчезли, оставляя после себя лишь жалкий шлейф от прошлых страданий. Раны затягиваться не торопились. В груди, как и в голове, воцарилось молчание. Возможно, на тот момент это был единственный способ.

Чёрный костюм ощущался кандалами на всём теле. Промозглый ветер бил по лицу и забирался под куртку. Небо с раздражением взирало на стоящих под ним людей. Открытое пространство от буйства метели не спасало. Погода стояла мерзкая. Но в чём-то Лиам был с ней согласен, — то же самое ворошилось и у него внутри, — злость прожигала насквозь.

Пришёл в себя юноша не сразу, каждая речь приглушалась завываниями ветра. Не самое лучшее время. Однако другого не было. Действовать приходилось строго. Все смотрели на Райза, руки их давно опустели. Лиам перевёл взгляд на цветок в руке. Пальцы замёрзли, но не это мешало разжать их. Чаша с землей заметно опустела.

Было трудно простаться с ним. Тяжело отпустить. А ещё сложнее — принять то, что это произошло. Красный бутон упал на гроб, припорошенный снегом и землей, и осыпался парой лепестков от удара. Крышка перекрывалась десятками таких же — молчаливыми словами прощания и выражениями скорби.

Внимание привлекла группа людей, которая приближалась к скорбящим. Шакалы расступались, но тянулись к своим скрытым под вещами кобурам. Все замерли в ожидании. Мар-

кус Бейн вышел вперёд, остановился напротив Лиам и посмотрел тому в глаза. Чтобы держать лицо, юноше пришлось расправить плечи и приподнять голову, но тело напряглось. Что он здесь забыл? Позади мужчины стояла его свора, а по бокам приближённые к нему люди: Мэттью МакКензи — Правая рука босса, которого до этого самого момента Райз никогда не видел вживую и помнил только по досье в кабинете Бейкера, и Энди Боунс — его верный пёс и палач.

Чёрные костюмы, красные розы, земля. Ветер встрепенулся и дёрнул замолчавшие деревья, те зашелестели голыми ветками, словно сплетники за их спинами разносили очередную новость. Холодный воздух неприятно обжёг кожу. Глава Воронов сделал шаг к яме и опустил руку с розой вдоль тела, обращая всё внимание на гроб, в котором теперь покоился его главный соперник. Что же будет теперь?

Каждый из его команды по очереди бросил цветок, прощаясь со своим врагом, а Лиам молчал. Шакалы ждали от нового босса приказа, но тот не произнёс ни слова. Бейн обернулся к Райзу и чуть кивнул в знак прощания. Развернувшись, он направился к бронированному «БМВ», Энди открыл ему дверь и, бросив на врага взгляд через плечо, сел следом.

Шакалы немного расслабились и посмотрели на работника, поудобнее ухватившего лопату. Процесс прощания заканчивался. Большой кусок земли упал на крышку гроба, а сердце Райза отчаянно ударило по рёбрам и ощутилось в горле.

На этом он развернулся и направился прочь. Смотреть на процесс закапывания было не принято. Не очень и хотелось. К горлу подкатывал непрощенный ком, а юноша, уж, думал, что больше эта жалкая сторона никому не покажется. Голова запрокинулась к небу. Слезы удержались в нужных границах и постепенно ушли. Непростой вздох вышел дрожащим. Успокоение так и не пришло.

Чья-то рука осторожно коснулась плеча. Лиам повернул голову и встретился с Сэмом взглядом. Палачу Шакалов приход Бейна не нравился, однако он не проронил ни слова, оставляя произошедшее необсуждённым — все догадывались, что Вороны пришли проститься и отправить в долгий путь человека, с которым их связывало немало вещей при жизни. Новый глава молча направился за ним к чёрному автомобилю. Его «Камри» приветственно моргнул фарами. На «Ауди» юноша и смотреть теперь не мог. Садиться в него и подавно.

Время тянулось так, будто зима не торопилась заканчиваться, пытаясь остаться в Чикаго на весь оставшийся год, а крайне низкие температуры и неожиданная для синоптиков пурга лишь добавляли к этому уверенности. Боль притупилась, но не проходила. Навалившаяся на Райза рутинная, новые условия и положение не давали оставаться наедине с самим собой. Должно быть, именно это спасало его от того, чтобы не сорваться и, поддаваясь ещё плескающимся на дне эмоциям, не разнести комнату.

В кабинете нашёптывал свою колыбельную камин, и древесина тихо потрескивала за стеклом. Лиам сидел в пошарпанном кресле подперев рукой голову. Молчал. Смотрел в пустоту. Не думал. Не мог или не хотел, скорее последнее. Перед ним расстилалась дорога полная неизвестности. Объятия её ничем тёплым не веяли, лишь убивающим холодом.

Страх не знал, как подобраться, с какой стороны зайти, чем напугать. Каждый раз в попытках захватить юношу, он разбивался о толстый слой льда, который разрастался в нём с безумной скоростью. Сердце от этого сжималось в испуге — его это пугало, очень. Но не голову. Только не её. Панцирь из безразличия шаг за шагом укреплялся, и даже отчаяние становилось в нём жалким отражающимся от стен звуком.

Лиам понимал только одно — тот слабак, тот идиот, который постоянно сбегал, влипал в неприятности, ошибался и доставлял кучу проблем, остался там у разбитого автомобиля.

Больше он таким не будет. Никогда. И бояться больше не станет. Ни за что. Пусть даже прикончат, но всё равно будет смотреть в глаза тому, у кого в руках оказалась его жалкая жизнь.

Шаги в коридоре становились отчётливее до тех пор, пока не стихли, прерываясь стуком в дверь. Преемник Бейкера выпрямился в кресле, опуская руку вдоль подлокотника. Сэм вошёл в кабинет и быстрым, оценивающим обстановку взглядом изучил его. Он всё ещё ходил в чёрных вещах и лишь белый халат сильно контрастировал в этом мрачном образе. На шее болталась полая пуля, а на поясе висела кобура с заряженным пистолетом. Парень подошёл к столу.

— Я тут почистил, — словно боясь нарушить своеобразную идиллию тишины, вполголоса произнёс он, — подумал, что ты захочешь её сохранить.

Лиам кивнул и молча принял печатку. Надел на указательный, однако украшение оказалось больше размером. После пары попыток, кольцо благополучно село на большой палец правой руки. Сэм стоял напротив и молчал, смотря на своего друга сверху вниз. Сказать ничего он не успел, в помещении показался Филлип. Тихо прикрыв дверь, он поднял на Лиаму голову. Те переглянулись. Следом за ним явились Малкольм, Скотт и Джон, до сих пор занимающий позицию капитана за место Айзека.

— Лиам, — повторил Фил и встал рядом с Сэмом, — больше времени нет.

— А что по делу? — глухо отозвался он.

Внимание вновь обратилось в пустоту перед собой. Судя по смутившемуся в углу Джону, новый босс выглядел слишком мрачным и отчуждённым. На стол опустилась папка с новой информацией, ещё не обращённых им по старой привычке в пепел бумаг. Скотт отступил к остальным и сначала посмотрел на Лиаму, после — на Фила.

— Здесь все косяки, подозрения и обвинения. Можешь посмотреть. Я всё перебрал.

Райз взял бумаги и пробежался глазами по строкам. Запоминать было необязательно, имена уже укладывались на полочку с бешеной скоростью и в идеальном порядке. Никакой ошибки. Запредельная чёткость. Как оседающий во время ушедшей бури снег. Парень захлопнул папку и отложил на край стола, собираясь разобраться с ней позже. В кабинете вновь поднялся разговор о дальнейших действиях. План Филлипа держал всё на плаву, но и он имел конец — удерживать такую дикую свору было непросто.

Первое время Лиам и Фил работали, как проклятые, пытаясь разобраться со всеми делами и сделками, которые должны были обговариваться с Томасом лично. Они выслушали столько соболезнований, что от последующих речей становилось тошно. Райз опустил взгляд на руки, они заledenели больше прежнего.

— Ну и что теперь? — подал голос Рид, скрещивая руки.

— Нужно решить, что делать с подозреваемыми? — выдвинул предложение Янг и корпусом повернулся к другу, — а иначе что делать?

— Шакалы сильно взбунтуются, — Джон посмотрел на Филлипа, словно ища в нём поддержку, — они всё ещё шепчутся, кто же мистера Бейкера изрешетил. Слухи не унимаются.

— Дадим им волю разгуливать, как раньше, они и из Лиамы сделают решето, — бросил Сэм и нахмурился.

Под споры собравшихся Райз поднялся с кресла и остановился напротив окна. Снег покрывал территорию, ложился на голые ветви деревьев, укутывая их своим теплом. Снежинки крутились в воздухе и блуждали там, куда их заносил ветер. Он настолько абстрагировался, что слышал голоса за спиной, словно под водой. Слова за спиной были неразличимым гомоном. Смотрел на улицу, на чёртов снег и вспоминал неестественные пятна, которые на нём тогда были.

— Ты с ума сошёл? — Фил держался спокойно, однако на мысль Рида, которую Лиам благополучно прослушал, не сдержал возмущения, — и что тогда тут будет? Райское местечко для дьявола? Нет, Рид, лучше помолчи со своими предложениями, иначе точно в психушку ляжешь, я тебе в этом обязательно помогу.

Райз повернулся к ним, потирая нижнюю губу пальцем. Фил спорил с Малкольмом, Скотт и Сэм вели между собой активные переговоры, а Джон смотрел то на одних, то на других и помалкивал.

Лиам смотрел на них, не вслушиваясь в спор.

— Просто убьём их всех. — Вклинился он в их дискуссии.

В этот же миг воцарилась такая тишина, что слышался не только треск костра, но и дыхание каждого мужчины. Казалось, даже мысли стали слышимы.

— Чего? — Сэм очнулся первый.

Лиам промолчал, уверенный в том, что услышали его без искажения смысла.

— Всех? — Скотт покосился на молчащего до сих пор Филлипа, — Лиам...

— А пацан не промах, — в своей манере усмехнулся Рид и пихнул Янга локтем, но тот воздержался от каких-либо слов, слегка нахмурившись.

— Лиам, это не вариант, — Реймон смотрел на своего друга с каким-то волнением, которое ему не удавалось считать полностью, — не убивать же нам всех.

Он развернулся к Сэму и чуть склонил голову.

— Ещё тогда ты хотел мести, Сэм. — Напомнил ему Райз о драке и спорах из-за Лорелин Бейн. — Так в чём проблема сейчас? Не месть ли это?

— Лиам, ты осознаешь масштаб того, что ты говоришь? — Коинс смотрел на парня озадаченно.

— Весьма.

Выражение лица Правой руки говорило о том, что он бы ещё поспорил. Были бы силы вести спор, как раньше.

— Лиам, это почти грёбанная треть наших бойцов. Ты понимаешь, насколько. Насколько, — повторил мужчина, выделяя слово особенно чётко, — это ослабит нас?

— То есть лучше и дальше кормить ублюдков с их «грандиозными» планами, — не скрывая насмешки парировал Райз.

— Лиам, это...

— Я больше никого не прошу, — голос главного информатора и, теперь уже, нового босса прогремел в кабинете подобно молотку судьи с принятым решением, — Томас был терпелив, а я терпелив не буду. Достаточно вольностей.

Райз отодвинул от стола кресло, подтянул папку, ухватив за уголок. Она с шуршанием проехала по эбеновой поверхности и остановилась, когда тот подцепил её пальцами и поднял, а после та с грохотом упала на противоположный от него край.

— Не понимаете так, скажу по-другому, — не давая Филлипу время подобрать слова, продолжил юноша, — убить. Всех. Это. Приказ.

Пять пар глаз без стеснений уставились на него, кто-то разглядывал с интересом, кто-то с беспокойством или лёгким страхом. К последнему типу относился Джон, который продолжал стоять в стороне, молчал. Слишком напряжённо. Сэм вышел из очередного оцепенения и покачал головой, убирая руки в карманы. Фил удосужил Лиама простым кивком. Почему-то спорить заместитель Томаса не стал. Мог. Но не стал.

— Ясно, — глухо отозвался палач, не удовлетворённый тоном своего друга, — и ты уже решил как?

Райз внимательно осмотрел каждого присутствующего, начиная с Сэма. Руки скрылись в карманах брюк.

— Решил.

В помещении словно опускалась температура. От волнения начинало бросать в дрожь, которую Лиам скрывал за холодной маской. Больше нельзя было показывать страх и сомнения. Никаких больше сомнений.

Хватит.

— Фил и Сэм, останьтесь, остальные, можете идти, — юноша отвернулся к окну, заканчивая разговор.

Трое покинули кабинет, не задавая лишних вопросов.

— И каковы твои указания, Лиам? — Сэм скрестил руки на груди. Скрывал волнение, которое плескалось в глубине его глаз.

Райз облокотился руками на спинку кресла, посмотрел на стол. Пустой стакан с выпитым виски до сих пор стоял на столе не убранном. Он нагнулся и взял его в руки, стал покручивать с интересом — стекло словно переливалось от опускающегося на него света за спиной, а отпечатки пальцев напоминали о том, кому этот стакан когда-то принадлежал.

— Достаточно простые.

Лиам слегка склонил голову и впёрся взглядом в Филлипа. Мужчина выдержал пристальное внимание и лишь недовольно сжал губы, обнажая перед юношей своё нежелание выполнять такого рода приказ. Но Коинс понимал, что Райз не отступит, и не стал вставать перед ним и поставленной целью, мотивы которой всем широко известны и без объяснений. Упёртый парень, подстава Бейкеру.

Лиам был готов разорвать каждого, кто был причастен к нападению на Томаса. И сделал бы это голыми руками, если бы ему перекрыли прямую дорогу.

Они разместились за столом, затем перебрались на диван. С помощью Фила план созревал по ходу размышлений, и Коинс уточнял детали и подправлял юношу для более лучшего подхода в решении той или иной проблемы, которая могла возникнуть. Лиам к нему прислушивался. Коинс знал куда больше и видел куда лучше. Райзу было необходимо его плечо, на которое можно было сейчас опереться.

Близился день расплаты.

Глава 2. Кровавый вторник

Территория у особняка Бейкера давно не собирала на одном месте такое количество людей. Часть стояла без курток, оторванная от своих дел, часть — с накинутыми наспех шарфами и застёгнутой до самого горла верхней одеждой. Несмотря на толпу, тишина стояла мёртвая. Лиам стоял на кухне неподалёку от задней двери и держал вытянутый стакан с водой. От волнения потрясывало, но нужно было справиться и взять себя в руки. Шакалы уже не раз видели ситуации с его провалами и откровенными позорами. Хуже быть не могло, значит и бояться уже было нечего.

Медленно выдохнув, он поставил стакан на белую столешницу, упёрся в неё руками, немного перекатился с пятки на носок, стараясь успокоить себя монотонными движениями. За спиной послышались шаги — голову поворачивать не стал, уже понимал, кто это был, да и голос сам дал знать, кто остановился позади.

— Все ждут объявления, — Филлип, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

Судорожно вбирая через приоткрытые губы воздух, Райз глухо стукнул по поверхности ладонями и направился к двери, хватая с дивана пальто. Противный мороз в тот же миг схватил юношу за щёки. Он поджал губы, молча проклиная это время года. Второй год подряд зима забирала у него дорогих людей. И изменения, которые начали происходить в душе, остановить было уже невозможно.

Десять, тридцать, шестьдесят... Сколько же здесь человек? Все они выжидали лишь по приказу одного Коинса. Восхищение этому не знало разумных границ. Вот он, поводок, которым всех удерживал Томас. Фил и после смерти своего друга не растерялся и ловко перехватил его, дёргая обратно одичавших псов.

А теперь Коинс протягивал его Лиаму. И он должен был это принять.

Райз остановился на крыльце, ступени укрывались тонким слоем снега, который успел вновь опуститься на очищенную территорию. Зима оказалась довольно холодной и снежной, оставшиеся после незаконченной уборки сугробы почти достигали голеней. Шакалы во второй раз услышали скрип двери и вновь обернулись. Члены группировки пожирали появившегося парня хищными взглядами. От такого внимания под кожей проскользили неприятные покалывания. Лиаму показалось, что их мысли так громки, что он слышит каждую. А, может, это всё ещё была паранойя.

Одно он знал точно. Отвернёшься — и тебя просто разорвут на куски, сначала поджарят на костре, станут срывать полусырое мясо, а затем начнут обгладывать твои кости.

Тихий голос зазвучал уверенно и был слышен абсолютно всем, несмотря на гудящую непогоду. Только Лиам знал, с каким трудом ему удаётся держать лицо перед такой толпой, если повысит тон хоть немного выше — все услышат это жалкое дрожание, от которого проберёт на смех.

Удалось разглядеть Сэма. Он стоял в самом дальнем углу. Выглядывал из-за стоящих мужчин ниже его ростом. В нескольких футах от него — Скотт. Малкольм и Джон также растянулись по невидимой дуге. Филлип стоял ближе к новому боссу, однако во всё той же зоне, за спинами Шакалов. Мужчины смотрели на преемника Бейкера внимательно. Из толпы доносились комментарии в сторону столь молодой и неопытной персоны, хоть и с определёнными способностями и жизненным опытом. Райз представлял, что этот день выйдет трудным, но не мог представить все те краски, которые его заполнят.

Каратели Сэма полукругом оцепили оставшихся в списке, никто не услышал их приближения. Лиам бегло осмотрелся. Даже не догадывался, что у его друга столько людей. Всё время считал, что компания химика и нынешнего палача ограничивается одними лишь коллегами в лаборатории. Выходило, что всё далеко не так, как он представлял раньше. Стоило быть внимательнее к другу, а не утопать в собственных проблемах и постоянно сбегать. Стоило быть внимательнее к своим близким людям, пока не стало слишком поздно.

— Да ладно, — усмехнулся один мужчина, прерывая перешёптывания, и скрестил руки, — тебе сколько лет, пацан? Ты сосунок, не тебе нас вести!

— Группировку ждёт провал, если какой-то бывший информатор встанет на место босса. Ты хоть, кроме того, чтобы языком чесать, что-нибудь умеешь? — подхватил второй.

Сэм позволил себе высказать раздражение от слов невольным дёрганьем руки. Скотт тут же покосился на него, задумываясь о том, не испортит ли он план. Реймон стиснул зубы и остался стоять на месте, прибегая к своей максимальной выдержке.

— Это ведь ты на побегушках тут у Бейкера бегал, — мужчина недалеко от Джона вышел немного вперёд. Капитан неуверенно поджал губы, он был ошарашен приказом, но стоял там, где ему было велено и выжидал.

Мужчина был преемнику знаком. Этот человек служил Бейкеру честно, и в списке имя отсутствовало. Но никто не останавливал его, поэтому последовало продолжение:

— Хотя бы Филлип должен занять его место. Он в этом что-то смыслит, ты слишком зелёный ещё для таких дел.

В чём-то он был даже прав. Оспорить его мнение Лиам так и не решился, одарил безразличным молчанием и вынужденно в голове вписал его ниже к остальным. Коинс заметил лёгкую перемену на лице Райза и покосился на говорящего. Конечно, все понимали, о чём он. Лиам не смел отводить взгляд, пытался выдержать его. Вышло: мужчина опустил глаза и отшагнул на своё место, больше не возникая.

Но голосов стало больше, как и возмущений. Конечно, он и не надеялся, что его так легко примут. Кто он? Для них — всего лишь мальчишка. База данных, флэшка, жёсткий диск — да как только его не называли за спиной, он всё слышал и прекрасно знал. О каком авторитете тут вообще говорить?

Медленно втягивая воздух через нос, старался не показывать эмоции. Фил предупреждал о любом проявлении слабости, — сожрут, — поэтому приходилось держаться и не паниковать. Верхушка отозвалась согласием в таком решении. И она стояла за спинами этой своры и ждала приказ. Лиам держал руки сцепленными перед собой, холод безжалостно пробирался к руке, накрывающей другую. Кожа от мороза потрескается и обязательно начнёт кровоточить, но сейчас этот нюанс игнорировался, взгляд упёрто цеплялся за людей, слух — за разгоревшиеся во дворе споры.

А пальто на плечах отдавало угасающим ароматом полыни.

— Эй, а волосы ты опять в свой ядрёный махнёшь? — усмехнулся парень, всем видом выражающий неуважение, послышался поддерживающий его речь смех, — ну так, чтобы тебя точно все запомнили.

— Ты хочешь поговорить о моих волосах? — со сталью в голосе произнёс Райз, отчего многие поутихли и повернулись обратно к нему. Не давая никому открыть рот, продолжил, — я повторяю во второй раз. И последний. Томас Бейкер. Мёртв. И его место на правах преемника занимаю я. Дальше Шакалов поведу я. Кому это не нравится, прошу выйти вперёд и высказаться.

Лиам направил на парня немигающий взгляд. Ветер удачно утих, позволяя это сделать без особых усилий. Шакал помедлил, но всё же вышел. И продолжил говорить липкие оскорбления. Слушал Райз молча, перебивать, перекрикивая собеседника, не любил — всё равно не услышит. Но когда тот замолчал, взял эту паузу для своих слов.

— Хорошо. В заключение... — имена стали произноситься неспешно, легко и достаточно мягко, список немалый, управился Лиам не так быстро, но память известного Ключа в этом ещё не подводила, так что выходило это без каких-либо запинок и неудобных пауз, — хотел бы поблагодарить вас лично.

На минуту повисло полное молчание. Шакалы начали переглядываться. Глава смотрел на них, питая себя диким удовольствием от их растерянности. И вновь заговорил, заканчивая речь:

— Теперь нам известно, каких крыс мы кормили.

История повторяется.

Двадцатишестилетний Томас Бейкер сбрасывает бунтующих против его поста в воду. Девятнадцатилетний Лиам Райз расстреливает бунтующих на заднем дворе в укрытии природы. Жалкий парнишка, ещё недавно снующий по городу с информацией в голове и конвертами, разбирается со всеми предателями, как действующими, так и потенциальными, разом.

Лиам не думал, что это окажется таким лёгким и одновременно трудным решением. Странное ощущение. Достаточно чуждое. Тело даже не напряглось, губы не дрогнули, взгляд не отвёлся. Но напряжение в мышцах слегка ощутилось. Обнажилось оружие и взвелись курки.

Всё происходило быстро, однако для него время замедлилось. Райз слышал выстрелы пистолетов с глушителями, видел стекающую на белоснежный зимний покров кровь. Наблюдал за тем, как предатели падали один за другим с удивлёнными лицами. Остальные с ужасом вертели головой и прикрывались руками. Багровые пятна брызгами осели на их одежду и лица. Но на этом шум не закончился. Один из мужчин выскочил из толпы, указывая в сторону Лиамы. Райз повернул голову.

— Да ты сам предатель! Тебя так расстрелять!

Он замолк от прикоснувшегося к его затылку оружию. Сэм оказался рядом с ним молниеносно, пересекая разделяющее их расстояние, он с особой злостью прожигал его спину, и Лиам понял: лишь одного слова было достаточно, чтобы палач прикончил его.

Райз не сомневался, что его не примут. Думать об обратном было бы глупейшей иллюзией, которую только можно было бы себе придумать. Содержимое его черепной коробки раскрылось прямо на глазах. Реймону достаточно было решительного взгляда со стороны друга, чтобы понять приказ. Выстрелы возобновились и ещё около десятка человек упали на трупы. Даже тот мужчина, всего-то высказавший мнение о неготовности преемника к такой ноше, с которым он и сам был внутри себя согласен, пал вместе с остальными.

— Кто-нибудь ещё хочет последовать за ними? — равнодушно отозвался босс, обращая внимание на оставшихся Шакалов.

В ответ последовала тишина. В тот момент стало понятно, что разговор закончился, и этот ход остался за Райзом. И это кровопролитие на сегодня тоже закончилось.

— Тогда все возвращаются к своей работе, — и, развернувшись, он направился к зданию. Парни приберутся сами. Теперь это не его работа.

Взгляды провожали нового главу Шакалов вплоть до двери. Выжившие: кто промолчал и сдержал язык за зубами, продолжали сохранять тишину. На лицах читался нескрываемый шок. Боялись пошевелиться. Боялись сделать любое движение, словно могли натравить на себя пару пуль. Давно они не сталкивались с таким типом решения. Но ничего. Они его вспомнят.

Не позволит Лиам о себя ноги вытирать. Спокойная эпоха закончилась с кончиной Томаса. Шакалов ждут сильные перемены во всех аспектах. Но сейчас стоило разобраться с поставками, которые оказались замороженными. И новость о смерти хозяина крупного бизнеса в автомобильной сфере разлетелась по всем частям города. Придётся разбираться не только с незаконными делами, но еще и с легальными.

С момента, как им пришлось выруливать все дела без Томаса, не прошло и месяца, а Лиам сходил с ума от работы, встреч, обсуждений планов, принятия соболезнований, от которых не было никакого толка. Но несмотря на всё это сегодняшний день выдался самым давящим. Юноша скрылся в кабинете и упал на диван, ощущая себя пустой тряпичной куклой, которая повисла в руках непредсказуемых обстоятельств. Мысли, забитые отчётами, договорами и прочей «взрослой» рутинной, не успевали переключаться на самокопание. Подняв руку на уровень глаз, посмотрел на тряску, пробившуюся через стену равнодушия, и тяжело вздохнул.

— Слабак, — прошипел Лиам и опустил её, плотно стискивая зубы от злости на самого себя.

— Ошибаешься, — в кабинет тихо вошёл Сэм.

Райз слегка повернул голову, друг остановился недалеко от двери со скрещенными на груди руками почти напротив. Ребята молчали и просто смотрели друг на друга с усталыми лицами. Реймон переоделся, сменил запачканные кровью вещи на домашние штаны и футболку. Глядя на него, хотелось поёжиться от холода и скрыться под пледом.

— На такое, — Сэм продолжил и на секунду повернулся к двери, намекая на события во дворе, — слабаки не способны.

Лиам промолчал. Вытянул ноги и откинулся на спинку дивана. Протяжно выдохнул.

— Лиам, ты... — он замялся, теряя все слова, которые хотел сказать, — ты как?

Взгляд друга сочился беспокойством и сочувствием. Парня вдруг передёрнуло.

— Не надо, Сэм, ладно?

— Что? — смутился парень.

— Не надо меня жалеть. Я думал, что внешне не так уж и жалок.

— Что? Нет, ты... Я не об этом.

Райз вскинул руку с произнесённой вслух просьбой молчать. Слова правда казались ни к чему. Лишь сильнее ранят и надавят на уже существующие шрамы. Потёр шею, забрался пальцами под ворот рубашки и нащупал один из таких. Один из целого десятка. Лиам до сих пор не знал их точное количество. В открытой одежде после этого молодой человек не появ-

лялся и даже в ванной торопился накинуть кофту, не глядя в зеркало. Реймон всё это время сверлил взором задумавшегося собеседника.

— Сэм.

— Лиам, я просто волнуюсь за тебя... После всего мы толком не поговорили, и это...

— Ужасно? — догадался Лиам, прерывая химика довольно резко и грубо.

— Да.

Райз опустил ноги на пол и предложил ему сесть рядом. Они говорили около часа, но ничем сокровенным поделиться Лиам так и не смог. Ни о своих тревогах, ни о терзающих душу мыслях, ни о страхах. Только о делах, только о планах. Только о рабочих моментах, и лишь более тёплая обстановка помогала отличить деловую встречу от дружеской. Это странно. Но, поставив блок себе, он ненароком распространил его на всех, кто окружал его. И теперь даже Сэму открыться со всеми своими истериками казалось глупым. Подавление эмоций граничило с их полным отсутствием, что лишь путало в опознании того, что чувствовалось на самом деле. Паршивое дело, которое не мог остановить. Реймон повернулся к другу.

— Пока все пытаются осознать, что это правда, многие затихли. Но скоро нас снова прижмут. И Вороны, и шайки поменьше.

— Считаешь, Змееносцы тоже попробуют полакомиться?

Сэм хмыкнул.

— Не удивлюсь, если и Хорас попытается проскочить. Он-то Бейкеру был партнёром.

— Который пытался меня убить. — В голове с особой болью вспыхнули воспоминания, до сих пор замутнённые действием препарата.

— Однако его до сих пор не убрали. Может, убьём его? Тоже предатель ведь.

— Нет, — Райз задумался, — Том не просто так держал его рядом. Если бы он мог — убрал бы его ещё тогда, когда забрал меня из больницы. Нельзя убирать крупную фигуру на доске, всё пошатнётся. Сейчас состояние и так нестабильное. Но дадим ему выбор.

Лиам поднялся, одну руку пряча в кармане брюк. Прошёлся по кабинету, помолчал, собирая слова в цельное предложение.

— Передай Филлипу, чтобы он позвал его сюда. Я хочу говорить на своей территории.

Глава 3. Единственное верное решение

Хорас Ли оказался за дверями кабинета на следующее же утро, и его волнение не могло остаться незамеченным даже для самых невнимательных глаз. Райз встретил его, сидя за столом, и предложил расположиться на диване напротив пустого журнального столика. Погода заметно отличалась от вчерашней, солнце пробиралось не только через тучи, но и через окно и расплзалось по всему помещению. Лампы не включались, отчего мягкий свет пробирался в кабинет и не перебивался ничем более ярким несмотря на то, что часть комнаты от этого оставалась в тени. Мужчина выглядел напряжённым, а его сосредоточенность в сравнении с той расслабленностью в клубе пару лет назад сместила.

Взглядом он искал Томаса, но находил лишь Лиаму.

«Два года, Хорас. Прошло уже два года, ты, вероятно, всё забыл и отпустил. Что с тобой такое?» — Райз изучал поведение партнёра.

Парень молчал, вынуждая тревогу мужчины забираться под самую кожу и неконтролируемо трясти всё тело. Ли не был похож на бесстрашных боссов, он не смахивал ни на Пейджа, ни на Бейна, ни, тем более, на Бейкера. Он действовал по чьей-то указке, выполнял поручения и хвостиком бегал за защитником. Во времена партнёрства с Шакалами, он хорошо пригрелся рядом, ощущая себя в безопасности. Бейкер — чудесный и надёжный союзник, человек слова. И не предатель. Как жаль, что хорошие люди умирают первыми.

— Лиам? — Хорас не выдержал тишины, за которую юноша успел закончить просматривать договор, решающий легальные вопросы по передаче бизнеса Томаса в его руки.

Его опекуновство и отсутствие родственников сыграло на руку. С этим возникло меньше всего проблем. Осталось лишь разобраться с бумажной волокитой. Лиам убрал документы в стол и повернул голову к Хорасу. Серо-зелёные глаза, которые помнились затягивающим озорством и манипуляциями, в этот раз источали только волнение.

— Я бы хотел поговорить о твоём сотрудничестве с Шакалами, Хорас. О котором ты когда-то договаривался с Томасом.

— Ну, хорошо, — тут же ответил он, — что ты хотел узнать? И где Фил?

Райз улыбнулся, однако Ли это ещё сильнее напрягло. Поднятые плечи и стиснутое рукой колено, сдвинутые брови, плотно сжатые губы. Знакомый парню весельчак-Хорас был совсем не таким, каким помнился. Его поведение больше напоминало день, когда Лиам видел его на крыльце вместе с Томом. Мужчина поправил лацканы пиджака тёмно-синего цвета и передёрнул плечами, пытаясь делать это максимально вальяжно. Шакал убрал руки в карманы глубоководных брюк и прошёлся до шкафа с баром недалёко от стола. Белые кроссовки тихо постукивали по паркету. Лиам достал бутылку виски и посмотрел на этикетку, не сдерживая усмешку. «Джек Дэниэлс» опустился на стеклянный столик.

— Что ты хотел узнать? — повторил Хорас, покосившись на алкоголь.

— Нюансы вашей сделки мне вполне известны, так что перейду сразу к интересующему меня вопросу: что нам теперь с тобой делать, Ли?

Мужчина вопрос не понял. Лиам ожидал такой реакции, поэтому не сильно удивился. Взял до блеска начищенный стакан, открыл бутылку, плеснул в сосуд золотистую жидкость. Протянул гостю. Он взял его и замялся, а Райз выпрямился и вновь убрал руки в карманы.

— Лиам?

— Мистер Райз. — В этот раз грубо поправил его юноша.

Это было ужасно непривычно. Что на деле, что просто на слух. Но по-другому было нельзя. Выстраивать с ним дружеские отношения не планировалось. И показать это стоило сразу.

— «Мистер»... — помедлил Ли, явно привыкая к такому заявлению от пацана, который годится ему в сыновья. Хорас до сих пор не понимал, кто главный, — ...Райз, я не понимаю, о чём ты говоришь.

— Вы.

— Что? — он поднял голову, отрывая внимание от стакана.

— Впредь, прошу обращаться ко мне с должным уважением, Хорас.

— Но ты ведь... — кажется, партнёр Шакалов совсем прекратил понимать, что происходит.

Райз вскинул бровь, продолжая сверлить собеседника взором. Мужчине надоело ощущать себя загнанным в угол зверем, и он поднялся. Стакан со стуком опустился на стол, и напиток немного расплескался по поверхности. Лиам посмотрел на собирающиеся на стекле капельки и поднял на него глаза. Хорас обошёл столик и остановился напротив.

— Да что ты о себе возомнил? Запугать меня вздумал? Я всё это время помогал Томасу, а ты решил поиграть в босса и все карты нам спутать?! Где Филлип! Я буду говорить только с ним, это он его заменяет, а не ты, шпана!

— Сядь. — Холодно отчеканил Райз, продолжая глядеть на мужчину в упор, — здесь только я с тобой буду говорить. Я сказал, сядь. Хорас.

— А то что, Райз? — заупрямился Ли и сделал широкий жест руками, — я пришёл поговорить! Но угрожать себе не позволю! Не вырос ещё!

Он замолчал после того, как подошва юношеской обуви соприкоснулась с его солнечным сплетением и с силой толкнула в стену. Раздался грохот: не найдя, за что уцепиться, мужчина

упал, больно ударившись спиной о вертикальную поверхность, и сполз по ней на пол. Хорас тяжело втянул ртом воздух, но возмущение его приобрело иные краски.

— И в стакан подлил что-нибудь? Убить меня хочешь? — закричал он, игнорируя непробиваемое выражение лица своего молодого собеседника, — Фил, думает, я идиот?! Решил убрать меня руками сопляка?!

— Ты, видимо, плохо соображаешь, Ли, — Райз остался на месте, — Филлип — не главный. Главный здесь я. Что, слухи прекратили разлетаться со скоростью света? Я приятно удивлён, так что любезно повторю тебе последний раз. Я теперь глава в Шакалах. И говорить ты будешь со мной.

Хорас нахмурился, на Лиама посыпались весьма лестные оскорбления о непрофессионализме и слишком юном возрасте. Остальное также доводилось слышать от самих Шакалов и гангстеров со стороны, поэтому со скучающим видом он лишь ждал окончания речи. Когда же мужчина выдохся, Райз устало расправил плечи и склонил голову, продолжая наблюдать за партнёром.

— Вижу ты закончил. А теперь, раз ты хочешь поговорить грубо, мы поговорим грубо.

Хорас задрал голову, уставившись зелёными глазами в его. Эмоции мужчины не поддавались логическому, как Лиаму казалось, объяснению. В целом, после долгой связи с экстази по-другому вряд ли что-то могло бы быть. В конечном счёте все игры с веществами приводили лишь к одному, к черте, за которой кончается самое ценное — жизнь.

— Давай, убивай, — взвился партнёр Тома, — зачем ещё ты меня позвал?

— Кому ты втираешь, Хорас? — ровным тоном обронил Шакал, словно услышал наскучившую шутку, — ты боишься сдохнуть, и это всем известный факт. Не перебивай меня, когда я говорю. Хорошо? — не дав ему ответить, продолжил, — у нас висит один маленький вопросик, Хорас. И он, уж, очень тесно соприкасается с Воронами.

Ли вскочил с места, опираясь руками в пол, и пришлось быстро осадить его, твёрдо упираясь ногой в плечо. Раздался очередной грохот и нецензурное шипение. Лиам усмехнулся. Сложно было не признать, что ему это нравилось. Вид мужчины забавлял, и довольная ухмылка появилась на лице юноши сама собой.

— Тебе есть, что сказать, Ли?

— Лиам, это просто...

— Мистер Райз, — вновь осадил его Шакал.

— Мистер, мистер Райз, — с раздражением бросил Хорас, — это просто бизнес, я же...

— «Просто бизнес» с моим врагом, как и дружбу, будешь водить в условиях с меньшим содержанием кислорода, Хорас. Ты улавливаешь ход моих мыслей?

Лиам нагнулся и поймал взгляд собеседника, в миг переменившийся на такой, словно ему привиделся чей-то призрак, и парню стало некомфортно. Ему вдруг показалось, что он находится не в своей тарелке. Эти слова, угрозы... Разве, чтобы обезопасить свою семью, нужно угрожать другим? Разве это правильно?

— Тебе придётся очень постараться, чтобы я не расправился с тобой, как со всеми остальными крысами.

— Остальными?

— То есть слово «крыса» тебя устраивает?

Новость пока оставалась в пределах особняка, но растерявшийся сейчас Хорас точно не станет держать язык за зубами, так что он и распространит эту весть всем, включая Бейна, который уже догадывается о том, что происходит у их конкурентов. Он донесёт до всех и о преемнике во главе, о бывшем информаторе, о всем известном Ключе — о Лиаме Райзе.

Лиам взял стакан со стола и взболтал янтарно-золотую жидкость, смотря как она скользит по гранёным стенкам из толстого стекла. Перевернул его над головой Ли, выливая виски ему на

волосы. В нос бросился алкоголь, вызывающий у парня лишь отвращение. Присел на корточки перед мужчиной, упёрся руками в бедра.

— И я не травлю своих собеседников так же, как ты.

— Злопамятный же ты оказался, — он посмотрел на юношу исподлобья, на кончиках мокрых волос собирались капли и падали на низ его рубашки.

— Я не злопамятен. Если ты не забыл, — Шакал несколько раз постучал себе пальцем по виску и поднялся.

Его особенность, отличающая от всех в этом доме. Его талант — какой-то глупый дар, доставшийся за грош. Его проклятье, которое умрёт вместе с ним и ничего, кроме вреда, не принесёт.

— Завязывай с работёнкой у птичек. Или познакомишься с обитателями пониже. Бывал в Гавани? Знаешь, что там делают с такими, как ты?

— Угрожаешь мне? — Хорас вздёрнул подбородок, но его нервозность стала заметнее.

— Ты меня плохо слышал? — вопросом на вопрос ответил юноша, — ясно. Что ж, видимо, разговор не складывается. Сэм! — рывкнул и повернул голову к двери.

Друг не заставил себя долго ждать. Он вошёл внутрь и скользнул взором по кабинету, оценивая обстановку. Заприметив их не так уж и далеко от двери, развернулся и убрал руки в карманы, молча смотря на своего босса. Лиам махнул головой в сторону Хораса, и парень шагнул вперёд. Ли рывком оказался в углу с выставленной к парням рукой.

Сэма это не остановило, он просто перехватил его за запястье, грубым движением потянул на себя и засадил кулаком под рёбра. Реймон сам по себе был громадиной и чёртовой машиной без пульта управления — худощавый Ли для него был не более, чем щепкой между пальцев. Хорас выплюнул весь воздух из лёгких и захрипел, сгибаясь пополам. Для драк он был слишком хилым.

— Чёртовы мальчишки, — просипел он, — сосунки!

— Я бы подбирал выражения и относился к боссу и его людям с бóльшим уважением.

Словно хорошо заточенный недавно нож, голос Филлипа вклинился в пространство и разрезал его надвое, как бумагу. Ли заметно побледнел. То ли от услышанного, то ли от ново-прибывшего.

— Разве не ты...? — начал он, и Коинс перебил его.

— Я? — мужчина сдержал смех, — я теперь простой советник, Ли. Так что же, будешь извиняться за своё плохое поведение?

Хорас потёр руку, и Райз заметил на ладони небольшой шрам, на который не сразу обратил внимание. Выглядел довольно старым, даже еле заметным.

— Я дал тебе выбор. Проваливай, — усталость скользнула в голосе Лиама, который отвернулся и спрятал руки в карманы брюк.

— Филлип! Мальчишка ещё слишком мелок, ты что, не видишь? Он ведь даже общаться не умеет, что это за переговоры, переговоры, по-твоему? Филлип... Филлип!

— Заткнись, — закатил глаза мужчина и схватил его за шкирку, — ты всё понял? Ещё раз узнаем про твою работу с Воронами — полетишь к таким же скользким соседям, как и ты, Хорас.

Оба скрылись за дверью, не переставая вести «тёплую» беседу. Лиам выдохнул, но совсем рвано и посмотрел на руки, которые поднял ладонями вверх на уровень таза. Они тряслись. Нервы шли к чёрту и вместе с хронической усталостью катили общее состояние в огромную яму. Сэм обратил на это внимание и встал ближе.

— Лиам, — в голосе столько волнения, что стало до одури тошно.

— Я в норме, — выдавил он и сжал кулаки, опуская руки по швам.

— Лиам, это не...

— Я, — прервал Лиам речь грубым тоном, стараясь уверенно выделить каждое слово, — в норме.

Реймон замаялся. Он ещё никогда не сталкивался с таким другом — закрытым. И закрылся тот так сильно, что был готов наругать и послать в далёкие места, лишь бы в душу к нему никто не лез.

— Я тогда пойду... соберу своих на собрание. Будешь давать указания или чистка закончилась?

— Закончилась.

Друг кивнул и в молчании удалился, оставляя Лиам в кабинете одного. За окном сыпал снег, и яркое солнце просачивалось сквозь стекло. Вскоре освещение заметно сменилось, и пришлось включить искусственный свет. Лампа выжгла собой весь уют и спокойствие, а не пробуждённый камин смирно спал, не подавая ни звука. Он опустился, — нет, — упал на диван и согнулся, обхватил себя руками и глубоко вдохнул.

Всего лишь нервы. Всего лишь отходняк. Всего лишь страшно, что будет дальше. Всего лишь стал главой целой группировки и теперь должен сам кормить всех этих людей... Всего лишь бизнес. Всего лишь преступники.

«Боже, Том... Как, как ты это делал?» — Райз зажмурился и сильнее стиснул колени.

Глава 4. Ядом по остывшему сердцу

Время беспощадно забирало каждый день. Невыносимая зима покинула город и оставила место для весны, которая довольно поздно приняла эстафету в этом году и, наконец-то, расправила плечи: на деревьях повылезали почки, снег растаял, оставляя после себя лишь воспоминания об ужасных моментах. Холодное время года изматывало своими жестокими испытаниями. И Райз стал по-настоящему его ненавидеть.

— Лиам, здесь доля от Джона, — Фил положил на край стола плотно забитый конверт, — просил передать, сам, сказал, не успевает, но задерживать не хочет.

Молодой босс кивнул, сейчас ему было всё равно, может ли лейтенант Хилла выполнять возложенные на него поручения сам или же просит небольшой помощи у Филлипа, чтобы встать на ноги. Коинсу можно было доверять, только поэтому он и оставался совершенно спокоен.

Филлип продолжал держать роль заместителя и опоры для главы. Всё, как и с Томасом — всегда поддержка, опора и кровавый кнут со снайперской винтовкой на перевес. Сэм не мог быть рядом со своим другом, его задачи строились на других целях, а человек, которого Лиам бы так хотел видеть подле себя был укрыт в другом штате. Фил не мог бы уйти в отставку, даже если бы очень хотел — замены ему попусту не было.

Эмоции притупились настолько, что Райз просто прекратил реагировать, как раньше. Неважно, на что — он понимал, что внутри не ощущалось ничего, там всё звенело от пустоты и с эхом исчезало где-то в глубине этого пугающего в душе безмолвия. Рутинная рабочая рутина крепко держала его за запястья. Вырваться не получалось, но и пытаться не хотелось. Это хорошо помогало не уходить глубоко в себя, чтобы не пытаться вновь и вновь ворошить прошлое и вспоминать. Вспоминать, вспоминать, вспоминать...

Возвращаться в жуткие моменты, переживать их снова — нет. Лиам не был готов ни к смерти матери, ни к воспоминаниям о горящем складе и потере Алекс. Ни о... ни о чём другом. Поэтому после разбора одного договора он без перерыва приступал к следующему. Это спасало и дела, которые требовали срочного вмешательства, и его самого.

— Фил, — Райз поднял взгляд, отрывая его от бумаг, — стоит проверить Ли, не думаешь? Филлип остановился у стола и кивнул.

— Ты намекаешь на Воронов.

— Не намекаю, а говорю прямо. Если увидишь хоть что-то, что говорит о его причастности к делам Бейна, позволяю расстрелять на месте без разъяснений. Найдём ему замену подостойнее.

Коинс на секунду растерялся, но в тот же миг скрыл все эмоции за своей непроницаемой маской. В конце концов они не стали убирать его тогда. Сейчас, сидя на самой вершине, они оба понимал риск, но и выбора у них попусту было немного. Либо они, либо их. А Лиам больше ни за что не допустит второй вариант.

— Это твоё окончательное решение? — осторожно зашёл он со стороны.

— Фил, — глухо отозвался юноша, — ты хочешь, чтобы через Хораса полезли крысы, которым он с любезностью предоставит лазейки к нам? Не хочет работать честно и получать свои миллионы — пойдёт рыбам на корм. Том, — осёкся Лиам. Вспоминать его было трудно, этот шрам продолжал кровоточить, — Шакалы выстраивали с ним партнёрские отношения. Не хочет — его право уйти.

Райз хмыкнул и отбросил документы на край стола, плотно сжал губы. Фил тактично опустил голову, словно не видел скользнувшую на лице своего босса слабость. Советник покинул кабинет так же быстро, как и появился в нём. Лиам откинулся в кресле и склонил голову к плечу, утыкаясь взглядом в не разожжённый камин. Мысли вертелись где-то на границе со Змееносцами.

По последним отчётам капитанов делались выводы, что эту банду смерть Бейкера лишь подзадорила: лезли в щели и нападали на солдат, забирали себе небольшие районы и улицы, устраивали облавы на казино и забирали деньги. Прибыль заметно упала. Если и было дело, за которое стоило браться следом за выяснением деловых отношений с Хорасом Ли, — это определённо Змееносцы и их больной на голову босс.

Пейджа необходимо убрать, иначе его безумие заведёт в могилу не только своих людей, но и Шакалов. А у них после чистки ряды заметно поредели. Идти лоб в лоб было нельзя — чтобы подавить Змееносцев, Шакалам может не хватить людей.

Лиам задумчиво потёр нижнюю губу и прищурился. Для этого дела в кабинет вызвал Реймона и Рида. Они те, кто решит эту проблему быстро и без лишних затрат. Парни стояли перед боссом уже через час, как только Малкольм вернулся в особняк. Сэм внимательно смотрел за другом, пытаясь уловить ту или иную эмоцию, способную помочь ему расколоть выстроенное парнем за последние месяцы хладнокровие. Однако у него не выходило. Даже сейчас не получилось. Через время Реймон сдался и отвёл внимание на происходящее за окном, где от ветерка покачивались ветви с почками. Их запах слабо просачивался в кабинет через щёлочку приоткрытого окна.

Капитан вальяжно расположился в кресле напротив и запрокинул ногу на ногу. Реймон остался стоять — скрестил руки и принялся ждать.

— Ну? — Рид потянулся к стоящей на столе статуэтке, — по какому поводу ты нас сюда позвал, малой?

Райз перевёл на него взгляд.

— С Пейджем пора заканчивать.

Реймон недоумённо моргнул. Малкольм заинтересованно сощурился, мгновенно теряя интерес к фигурке, которую только что покачивал из стороны в сторону. Капитан расплылся в дьявольской улыбке:

— Продолжай.

Проблема состояла лишь в том, что Эрик являлся безумцем, каких ещё поискать. Если и оставались последователи Жака, имеющие на плечах не только голову, но и все к ней прилагающиеся элементы, стоило дать им свободу и отправить отсюда подальше, либо... подмять под себя и прибавить себе людей, тем самым заполняя пробелы в защите.

Вороны не дремлют, их затишье — подготовка к разгрому не меньше тех, что уже происходили. Райз истребил треть Шакалов, теперь в группировке была видимая брешь. И её стоило как можно скорее залатать. Бейн нередко бил по слабым звеньям. Риду стоило сделать всё возможное, чтобы подмять под Шакалов адекватных парней. Потенциальные предатели шли мимо, теперь стоило быть более щепетильным в выборе солдат. Брать тех, кто просто хочет заработать или считает причастность к банде с малых лет крутым, Лиам тоже не собирался.

Ему нужны солдаты. Способные воевать и отстаивать общий интерес, а не малолетки, только и умеющие что гайки в тачках крутить да языком чесать на улицах, позоря имя организации. Шакалы должны не просто бороться с Воронами за первое место на рынке, а корнями в него врасти и не пускать никого, кто захочет на него забраться.

— Мне не нужно, чтобы Змееносцы переходили нашу границу. Мало места — пусть расширяются в другом городе.

— Истребить всех? — Сэм озадачился.

Лиам качнул головой. Еле заметно покручиваясь в кресле, подтянулся к столу и вытащил из папки снимки с видеокамер. Кинул ближе к парням, они нагнулись, всматриваясь в пиксельные лица. Впрочем, это не мешало узнавать отдельные личности.

— Завербуем Змееносцев и подомнём под себя. Ярых фанатиков Пейджа — устранить. Ты меня услышал, Рид? Мне не нужны оскорблённые крысы.

Рид ухмыльнулся, прекращая рассматривать лица, и положил листы перед собой.

— А что с Эриком?

Долго думать не пришлось, ответ крылся на поверхности. Оставлять этого психопата было небезопасно.

— Пейдж слишком обезумел своей идеей расширить Змееносцев. Пора бы ему понять, что его идеологии место в гробу. Метод выбирай сам, мне плевать, что с ним станет, но не смей поднимать шум. Исчезновение Пейджа не должно всплыть на поверхность на следующий же день.

— Ясно, босс, — Рид поднялся с места, поправляя футболку.

— Малкольм, сядь, — грубо вставил глава.

Тот вскинул бровь и повернул к юнцу голову. Немигающим взглядом Райз проследил за тем, как он колеблется, но опускается на сидуху. Реймон молчал.

— Ты пойдёшь с Сэмом, — только тогда Лиам вновь посмотрел на друга, — ты уже разработал новую формулу?

— Да, — мысленно обрабатывая слова, протянул Реймон, — разработал.

— Испробуешь.

— Но она ещё не совсем готова, Лиам...

— Вот и посмотришь, что с твоей формулой не так, не правда ли? — Райз поднял взгляд, изучая палача исподлобья.

Он толкал на жестокость, даже не спрашивая у друга о желании и уровне его готовности. Химик промолчал, удостоивая своего босса невербальным согласием. По окончании разговора они покинули кабинет, а Лиам шумно вздохнул. Помещение резко захватила духота.

Дёргая окно, он впустил в него свежий воздух со сладковатым запахом весны. Солнце поблёскивало и отражалось от сверкающих от чистоты покрытий. Юноша долго рассматривал вид из окна второго этажа, после чего покинул кабинет, запер на ключ и убрал его в карман. Пальто соскользнуло со стоячей вешалки и опустилось ему на плечи. На улице стояла приятная прохлада, и лучи ласково грели, не давая замёрзнуть.

— Мистер Райз, — неуверенно послышалось откуда-то сбоку.

Он повернулся, отчего рукава накинутого пальто едва заметно взметнулись. Мужчина стоял в рабочей форме и с инструментом в руке. Видимо, вышел из гаража.

— Я закончил свою работу... — он сильно мялся, определённо боялся, и причины тому были не только из-за выступлений во дворе, — могу ли я уехать к своей семье? У моего сына день рождения, я...

Райз долго рассматривал его выражение лица, не произнося ни слова.

— День рождения, говоришь. — Незаинтересованно отозвался Лиам, не вынимая руки из карманов.

— Да.

— Если они не справятся с аварийной задачей, которая может произойти без твоей помощи, будешь виноват, — продолжил он с тенью улыбки, намекая на механиков в гараже, — это ясно, Пол?

— Да, сэр... — после услышанного мужчина не шелохнулся, взвешивал варианты.

— Ну? — Лиам дёрнул уголки губ, выдавая не самую приятную улыбку. Однако на другую его не хватало, — раз уверен в своих коллегах, можешь быть свободен. Передавай Шону поздравления. Позднее я отправлю твоему сыну подарок.

От имени своего ребёнка он вздрогнул. Проробмотал нервное: «Конечно, обязательно передам, спасибо», и поспешил уйти. Райз смотрел ему вслед, пытаясь удержаться от накатывающего желания остановить его и вытрясти из него весь дух.

Когда полностью опустошённый Лиам вернулся с места аварии, мужчина бросился юнцу в ноги, стал извиняться и судорожно хватать за руки. Пол уже знал, что случилось: он был последним, кто проверял машину на неисправности, а тот день оказался последним для Томаса, который сел за руль того проклятого «Ауди». Это был единственный раз, когда Райз требовал дотошной работы в выявлении проблемы.

И он нашёл — ублюдок особо и не скрывался, но бежать за границу пытался. Предателя верхушка Шакалов нашла быстро. То, что они с ним сделали, навсегда осталось в памяти душевного подвала. Уборщики два дня отмывали пол от луж крови и внутренностей.

Лиам был потерян и сломлен. Сэм лишь подхватил его и позволил выплеснуть часть эмоций через насилие, которое после он не пытался оправдать ни эмоциями, ни болью, ни чем-либо ещё. Он не гордился тем, что сотворил с тем человеком, и был ужасно напуган, когда увидел то, что осталось от предателя. В тот момент к горлу подкатила тошнота, а по телу хлынул ледяной пот. Райз долго стоял у раковины, отмывая руки от крови, даже когда та давно смылась с кожи.

Ему стало жутко от самого себя, но в глубине души он понимал, что угрызений совести к тому уроду не ощущал. Лиам не смог.

Юноша развернулся и направился к воротам. С того момента, как его привезли в особняк, отдирая заледеневшие пальцы от двери «Ауди», он ни разу не покидал территорию, заваленный делами. Не было времени. Да и спал практически каждую ночь в кабинете — отключался от усталости прямо за столом.

Былой информатор успел позабыть городской шум, торопящиеся толпы и запах кофе, смешанный с неприятным бензином. Пыльные стёкла небоскрёбов и выбросы автомобилей, портящие лёгкий шлейф весны. Начищающие до блеска витрины работники. Офисные рабочие лавировали в толпе. Крепко прижимая телефон к уху одной рукой, другой они сжимали большой стакан кофе.

Лиам уже забыл дни в постоянных бегах с конвертами в кармане. В постоянных встречах с информаторами, отобранными самим Хорасом. Забыл запах горелой бумаги и успокаивающий щелчок «Зиппо», эхом отталкивающийся от стен погружённых в ночное безмолвие переулков. Поиск не заставил себя долго ждать, уже через десяток минут после ухода в кармане завибрировало. Райз достал телефон и поднёс к уху, ничего не говоря.

— Где ты? — встревоженный голос Филадельфия казался непривычным.

— Вышел прогуляться. Я в порядке.

— Порядке? — осуждающе раздалось следом, — Лиам, тебя могут искать. Не забывай, что ты остаёшься Ключом, за которого...

— Сорок четыре миллиона, — ровным тоном закончил юноша, продолжая идти по тротуару, не попадая под ритм торопящихся прохожих, — я всё помню.

— Мне прислать за тобой людей, чтобы ты вернулся?

— Я поручал тебе решить вопрос. — Резко заметил Райз, — уже всё сделано?

Коинс на том конце недовольно втянул полную грудь кислорода, но проглотил слова, которые хотел сказать, выбирая ответ на поступивший вопрос:

— Я уже выдвигаюсь. Как вернусь, Малколм и Сэм также отправятся поболтать с нашим другом.

— Вот и славно, — Лиам посмотрел на светофор и остановился у пешеходного перехода.

Красный свет горел в форме стоящего человечка, пока автомобили разгонялись на зелёном, рыча моторами. Он непринуждённо гулял по улицам, обходя часть территории, даже добрался до лавки старика Лестера, только внутрь не заходил, но был уверен — внутри всё оставалось точно таким же, как и снаружи. Только штукатурка посыпалась сильнее, отчего выглядело место даже более заброшенным, чем раньше. Лиам не стал заходить внутрь, не хотел окутывать себя прошлыми воспоминаниями, чувством непринуждённости, которым это место окружало. Теперь у него другие дела, другая работа, другие проблемы, которые необходимо решать.

Он не до конца понимал, чего хотел получить поездкой по общественному транспорту и странной прогулкой в одиночестве, но мысли сами собой укладывались на полки, окна плотно закрывались, не позволяя сильному ветру снести листы со стола памяти и устроить хаос. Холод давно проник в организм, но реагировать на это и противостоять не было сил и желания. А возможно, ему просто хотелось хотя бы ненадолго почувствовать себя простым человеком.

Все мысли упирались в одну и ту же стену: готовности вставать на пост так рано у него не было. Несмотря на попытки держаться и показывать исключительно сильные стороны, Лиам во всём опирался на Филиппа хотя могло показаться, что наоборот: Коинс подчиняется Райзу беспрекословно. Но он его костыль, который давал опору, без него Лиам бы в миг отправился вслед за Томом — туда, где все проблемы уже кажутся сущим пустяком.

Если бы Коинс ощущал сильную угрозу в приказах молодого босса, то выполнять их точно бы не стал. По крайней мере, Лиам так думал. Лично не спрашивал.

Райз остановился, смотря на тонкий бордюр, указывающий на конец тротуара. Машины продолжали движение, задевая его быстрым потоком воздуха. Тело свернулось в тошнотворный комок, когда глаза остановились на противоположной стороне пешеходной тропинки, разделённой транспортом.

Она была всё также прекрасна: уложенные пшеничные волосы ниспадали с плеч и развевались от каждого дуновения, юбка платья почти незаметно покачивалась, но сама девушка куталась в куртку и стояла неподвижно, стискивая пакет с тонкими ленточными ручками из какого-то бутика. Лиаму хотелось проклясть себя за минутную слабость, потому что ноги не сдвинулись с места, позволяя им обменяться растерянными взглядами, полными боли и отягощёнными послевкусием предательства. Видеть её было больно физически.

Её тихий голос забрала бурная жизнь улицы, слова так и не долетели до адресата, но губы подсказали ему сказанное: «Лиам». Лучше бы он не смог прочесть это и вообще бы не смотрел ей в лицо. Автомобили остановились, в то же время моргнул зелёный. Никто из них не сдвинулся, пешеходы периодически перекрывали вид, мешали и пихали, недовольные возникшей преградой, но позволяли уйти, скрыться, сбежать. Чего не сделала ни она, ни он.

Если кто-то из них и ждал эту встречу, мечтал, чтобы обстоятельства сложились так, чтобы они встретились хотя бы на минуту, — никто не показал радость, оба стояли в смятении

и не двигались. Сколько прошло? Три минуты, три часа, три дня, три недели? Казалось, они стояли так всю жизнь.

Позади неё выросла мрачная не изменяющая своему вкусу фигура. Начищенные берцы, джинсы того же глубокого выделяющегося из светлой улицы цвета, кофта и утеплённая кожаная куртка, потрёпанная временем. Многочисленные тату, скрывающиеся под одеждой всплыли в памяти Лиамы сами собой. Шрамы инстинктивно засадили, напоминая о себе и мерах предосторожности. Губы сжались в белую нить, рука в кармане — в кулак. Боунс положил руку на плечо Лорелин, та вздрогнула и обернулась, но, завидев Ворона, тут же успокоилась. Энди же не сводил со своего врага взгляд.

«Проваливай», — читалось в безэмоциональном выражении его лица.

На пешеходе снова собралась толпа. Пользуясь этим, Райз слился с потоком и свернул в переулок, отделяясь от группы. Поговорить с Лорой было необходимо. Объясниться, извиниться. Но как? За такое не прощают. Предательство не прощают. Он бы точно не простил. И слушать бы не стал.

Чем ближе становилась территория, тем больше шума доносилось до ушей. Ворота открылись, когда Сэм и Малкольм активно переговаривались друг с другом в хорошем настроении. В нескольких метрах они заметили Лиаму, и Реймон махнул рукой. Взгляд Райза зацепился за сумку-почтальонку на его плече. Должно быть, собрал необходимые для работы бутылки. Рид поглаживающим движением коснулся стали и поправил кобуру, скрывая её под верхней одеждой.

— До связи, малой, — небрежно махнув рукой, капитан двинулся в город.

Сэм направился за ним, поправляя лямку сумки. Повернул к другу голову, немного замедлившись, когда оказался рядом:

— Недовольных куда?

— В Гавань.

Реймон понял и без вопросов догнал Рида, который даже не собирался кого-либо ждать и свернул за угол. Лиам вернулся в просторы кабинета, но ключ не пригодился — дверь оказалась незапертой. Прикоснувшись к рукоятке за поясом, он напрягся, медленно потянул ручку и осторожно вошёл. Стол пустовал за исключением лежащего на нём ноутбука и стоящего на прежнем месте моноблока, камин продолжал спать в отсутствии нужды в нём, а журнальный столик держал на себе вскрытую бутылку воды и чужой телефон.

— Убери пистолет.

Райз посмотрел на сидящего на диване Филлипа и опустил руку с оружием. Сталь привычно холодила ладонь. Дверь тихо закрылась. Мужчина закинул ногу на ногу и пронзил юношу укоризненным взглядом. Выдержав его, Лиам опустил на край стола и с глухим стуком положил на него пистолет.

— Стоило предупредить, что ты вошёл по запасному ключу.

— Стоило предупредить, что ты вышел прогуляться, — парировал Коинс.

— Я обязан перед тобой отчитываться? — не удержался он, — не знал, что должен докладывать каждый свой шаг, как и два года назад.

— Два года назад о твоём существовании никто даже и не знал, а теперь за тебя дают бешеные суммы, и ты восседаешь на посту одной из крупных преступных организаций в Иллинойс, будучи пацаном, — осадил советник, и Лиам замолчал, признавая его слова.

На минуту повисла пауза. Каждый смотрел себе под ноги и молчал. Губы поджались в тонкую нить. В кабинете было не так холодно, но камин разжечь захотелось.

— Извини.

Фил лишь бросил на него взгляд, говорящий куда больше, чем слова, нагнулся, подхватывая телефон, и откинулся на спинку дивана, томно вздохнув от жуткой усталости.

— Хорас работает на нас, но я приставил к нему в клуб своих людей, — решил перевести тему мужчина, — будет смотреть в сторону пернатых — я узнаю.

— Хорошо, — раздражение поутихло, и голос зазвучал тише.

— Рид разбирается с Пейджем, — протянул Фил, отводя взгляд в сторону и шурясь, — крыс нет, надеюсь, и не появится больше. Белл продолжает выкручивать дела в нашу сторону. Что ещё?

Лиам задумчиво покрутил печатку на большом пальце. За дверью было так же тихо, как и внутри помещения. За окном доносился скрежет и болтовня некоторых механиков. Птицы напевали свою мелодию, перелетали с одного дерева на другое, затевая какую-то игру. Яркое солнце выползло из-за облаков.

— А что у Сольберга? — прерывая тишину, юный глава поднял голову на Коинса.

— В отделе никакого шума после того, как он смог сбить их с твоего следа. Пока тихо, — задумался Фил, чуть отводя голову в сторону, — но не думаю, что тебя не вспомнят. Ты способен закрыть большую часть их дел, дай им волю и точную ориентировку, они тебя скрутят и выбьют ответы не хуже, чем Кербер, — он посмотрел на то, как Райз незаметно — но, разумеется, очень даже заметно — вздрогнул и приложил руку к боку, где зудел один из шрамов, уходящий за спину.

Порой они напоминали о себе, периодически — вместе с фантомными болями. Стискивая пальцы в замке, он удержался от того, чтобы не подцепить рубец на надлопаточной области.

Перед ним всплыл образ ярких голубых глаз. Женский силуэт, охваченный светом за спиной. Сырость камеры вновь охватила его, хотя этого не могло быть на самом деле. Вспомнились лёгкие прикосновения и перебивающая все противные запахи вишня. Райз перевёл внимание на паркет, стараясь отогнать наваждение.

Он сделал выбор. Никто его к этому не принуждал.

— Лиам?

Некоторое напряжение в голосе Фила скользнуло практически незаметно, но юноша понял это, посмотрев на его озадаченное выражение лица. Юноша достаточно долго сидел в одной позе и молчал. Даже не понял, в какой момент решил сесть в кресло. Пальцы побелели от напряжения, а Лиам посмотрел на них и поспешил высвободить из хватки, опустив на колени. Фаланги побаливали, выдыхая от исчезнувшего на них давления колец. Остались небольшие выемки — следы от впившегося металла. Коинс смолчал, но было видно, что определённые мысли давили ему на плечи. Он покачал головой и поднялся с дивана, убирая телефон в карман.

— Лиам, — когда парень поднял голову, советник нахмурился, — тебе тяжело. Я знаю. — Райз сжал челюсти и отвернулся, чтобы не смотреть в глаза, но слушать всё-таки продолжил. — Томас был дорог ббльшим из нас. Не только ты потерял кого-то.

— Я понимаю, — вполголоса вставил юноша.

— Всё, что мы можем — двигаться дальше. Я не заставляю тебя игнорировать боль и отмахиваться от неё. Но дай ей правильное направление. Она может замедлить твои действия, вставить паузу, но не ей решать, что делать дальше. Ты сильнее своей боли. Иначе, тебя бы здесь не было.

Лиам кивнул. Коинс оглядел главу с головы до ног и, убедившись, что может оставить его с размышлениями наедине, покинул кабинет, тихо прикрывая дверь. Спустя несколько минут после щелчка мысли вновь вернулись к делам.

Хорас и Пейдж стояли во главе иерархии проблем, несмотря на другие опасные фигуры. Сольберг продолжал прикрывать дела в полицейском участке и отдалённо взаимодействовать с Беллом. Сын дорогого судьи, — единственная точка давления на такого принципиального и непокорного человека, — находился под прицелом, и глаз с него не спускали практически ни на секунду. Эта семья и то, как она дошла до такой жизни, — всё хорошо отпечаталось в памяти.

Пальцы теребили кулон на шее, заметив это, Райз выпустил маленький серебряный кинжал из руки и прикрыл глаза. Остался ещё один пункт, который ему хотелось решить незамедлительно. С этой мыслью он направился к выходу из кабинета. Было необходимо навестить того, кто прямо сейчас разбирался с Пейджем. Но нужно подождать, его возвращения.

Глава 5. Пленник прошлого

— Сучоныш поднялся.

В голосе ни капли страха, а звон металла в нём отзывался в теле, словно отбивался от стен в пустом помещении. Ледяной взгляд пронизывал насквозь, звериный оскал жутко растягивался на разбитых губах. Руки Лиам покорно лежали в карманах, но пальцы зудели от желания стиснуть их в кулаки и дать пылкую затрещину ублюдку перед собой. Контроль сжимал голову в тиски, отчего в висках начинало отдавать тупой болью. Сэм встал плечом к плечу, поравнявшись с главой.

В подвал пробивались яркие солнечные лучи, узкими полосами выставляя на показ количество витающей в воздухе пыли. Чёрные джинсы пленного испачкались в грязи и натянулись в коленях, на которых он стоял. Руки со сбитыми костяшками покрыты багровой коркой. Они безвольно болтались над головой, скованные тяжёлыми цепями.

Глаза не верили в происходящее. Глаза не верили тому, что им представлялось. Даже мозг не до конца отличал правду от иллюзии. Райз возвращался к прошлому, когда это было лишь желанием, всего лишь планом и приказом. К моменту, когда ещё Реймон сидел перед ним за столом в кабинете. К моменту, когда в глазах у друга вспыхнуло такое пламя, что сомнений не осталось несколько — такое задание он сделает с блеском, даже если на него придётся потратить половину своей жизни.

— Тебе нужно поймать Боунса, — сказал Лиам тогда, сидя в кожаном кресле, сверля взором документы, которые относились к сорванной благодаря Воронам сделке.

— Серьёзно?

— Вороны хотят проблем, мы дадим им проблем. Заберём у Бейна костыль, пускай похрамают.

Райз смял в руке бумаги, с раздражением тихнул их в полку и захлопнул её. Сэм внимательно изучал его лицо, пристально следя за каждой мелькающей на нём эмоцией.

— Я могу отдать распоряжение своим людям?

— Да, иди. И Сэм, — он остановил его, когда друг стал подниматься с кресла, — доставить живым. Ты меня понял? Эта сволочь нужна мне живой.

— Конечно, — осклабился Реймон, ужасая скользнувшим во взгляде безумием, — для этого ублюдка я придумал нечто особенное. Смерть для него — слишком просто.

Райз промолчал, не желая пока узнавать о новом препарате. Яд, созданный специально для Боунса? Готов дать руку на отсечение, он его не убьёт, но изведёт до потери сознания от болевого шока. Реймон питал большую ненависть к Керберу, которая границ не имела совсем. Парень покинул кабинет, Лиам же остался на месте, не прекращая падать всё глубже в воспоминания.

Ладонь плавно накрыла правое бедро, слегка потёрла его, затем накрыла область между шеей и плечом, опустилась на бок — фантомная боль дала о себе знать вновь.

Лиам прекратил пялиться в пустоту и увидел перед собой эбеновую поверхность стола. Потёр кожу над верхней губой и смежил веки. Попытался отбросить всё, что так или иначе обрушивалось на голову. Получилось не сразу.

Сэмюэл приступил к заданию незамедлительно и гиперответственно. Каратели принялись за дело, разработка плана шла сутки напролёт. Остановить друга было невозможно, Райза начинала пугать такая зверская озабоченность. В голове всплывал образ Малкольма, который всегда представлял у Шакалов в роли самого главного безумца и психопата, если не вдаваться в подробности его методов работы. Теперь Реймон и Рид вполне могли постоять на одном месте пьедестала и поделить кубок на двоих. Хотя химик всё равно двигался к тому, чтобы отнять его окончательно.

В серых глазах друга не просто поднималась буря, там разрасталась неизбежная катастрофа. Что творилось у него в душе, Лиам не то, что не мог представить, он боялся это представлять.

Пока Райз пытался разобраться со всеми доходами подпольных казино, поставками и разбором сделки, условия которой пришлось перекраивать из-за в миг скосившегося в дно доверия, Реймон, уже раздав приказы, выжидал момент, как расставивший свои ловушки браконьер.

Так пролетел месяц, затем второй. Кербер вёл себя осторожно, однако внимание и предусмотрительность не могли быть отточенными инструментами в условиях нескончаемой гонки. Рассеянность, усталость, вялость — тебя захватит что угодно. Сэм лишь дожидался момента, когда Боунс допустит всего одну ошибку. Один просчёт, который станет для него роковым.

Райз сидел на крыльце и рассматривал задний двор, лёгкий ветер охлаждал скрытое под футболкой и брюками-карго тело. Рабочее время доносилось вознёй механиков в гараже. Переливчатые трели птиц не могли остаться без внимания. Лиам повернул голову, заметив соскочившую с ветви птичку. Размахивая крылышками, она метнулась к другому дереву и скрылась в пёстрой зелени. Солнце сверкало где-то над крышей, опрокидывая лучи лишь на ноги ниже колен.

Скотт обошёл здание и показался в поле зрения парня, который чуть склонил голову, чтобы было удобнее следить за ним. Янг направился напрямик к нему.

— Они его достали. — Он облокотился на перило и прищурился от бьющего в глаза солнца, — Боунс, чёрт возьми, собственной персоной оказался в нашем подвале... — с удивлением, перемешанным с восторгом, вымолвил Скотт, — за такое, кажется, стоит выпить.

— Может быть, — Лиам поднялся со ступени и отряхнул штаны, — но учти, если на нас налетят Вороны, спусти с тебя шкуру за безответственность.

Шутки не получилось. За градусом собственного напряжения, не отпускающего его уже несколько месяцев, Лиам её не счёл. Тон оказался слишком серьёзным. Янг перевёл на парня сверлящий взгляд, однако тот больше ничего не услышал. Скотт поднялся на крыльцо и скрылся в доме, хлопая задней дверью. От неожиданности Лиам немного вздрогнул и остановился, гипнотизируя её поверхность. Медленно выпустил из груди скопившийся воздух и направился в дом, проходя вдоль коридора.

Кроссовки тихо постукивали по полу, подошва пружинила, делая ходьбу более быстрой и лёгкой. Но стены вокруг всё равно начали кружиться, и он резко остановился посреди прохода и зажмурился. Ему вспомнились слова главврача, который помог ему не развалиться изнутри после плена. Который дал ему пару советов. Тогда он и слушать не хотел этого «мозгоправа», но сейчас стоило бы сказать хотя бы спасибо.

Лиам прикрыл глаза и отсчитал шесть медленных вдохов и шесть выдохов, стараясь контролировать дыхание, а затем посмотрел перед собой, цепляясь за реальные вещи. Больше ничего не вертелось, поэтому Райз продолжил путь к подвалу, заранее подготовившись к духоте и омерзительному запаху.

И вот он стоял над самым страшным человеком в Чикаго, на которого не смогли открыть ни одного дела. Которому не смогли выдвинуть ни одного обвинения. Которому покровитель-

ствовал сам Бейн. Полиция, прекрасно зная о его кровавых подвигах, ощущала себя бесполезной псиной на натянутой цепи, врытой глубоко в землю. Маркус делал всё, чтобы держать Боунса подле себя, хотя многие предполагали, что глава Воронов заботился о своей шкуре и, как стало известно позже, о безопасности своей дочери. Энди стал единственным, кто смог завербовать верных людей, которые в своё время помогли ему укрепить силы той группировки, которая сейчас была на слуху у всех преступников.

— Я могу приступить?

Мысли туманом развеялись, Боунс продолжал сверлить Райза обжигающим льдом своих глаз, ни на секунду не отводя внимание. Сэм ждал разрешения. Лиам оттянул ворот футболки, Энди посмотрел на открывшуюся случайно часть плеча и ухмыльнулся.

— Принеси мне нож, — безразлично вставил босс, игнорируя вопрос, и заметил вмиг ожесточившиеся черты лица Ворона.

Словно не Энди должен бояться Лиама, а Лиам его.

— Сопляк решил поиграть в мужика?

— Если собрался плести языком, Боунс, плети по теме. Мне интересно, чем вы, Воронята, у себя занимаетесь, — в руке ощутилась холодная рукоятка, — признаться, меня задолбало, что вы везде суёте свой голодный клюв.

— Какая жалость, — оскалился Энди и повёл затёкшим плечом под звон металла, — сосунок пытается балансировать на трупах. Как тебе вкус крови?

— Смотри не захлебнись в своей собственной, — процедил Райз, покрепче стискивая холодное оружие.

Он тихо хохотнул. Лиам приблизился к Керберу и дёрнул за корни волос. Парень вынужденно задрал голову. Ощутив лезвие у шеи, даже не дрогнул. Не дрогнул! А усмехнулся, словно высмеивал.

— Ведёшь себя как девственник, — изрёк Боунс.

— Пытаться задеть сексом? Боунс, как это тупо, мы с Лорелин очень мило проводили время в камере и без секса, — парировал Лиам и удовлетворился представшей ему реакцией.

На секунду он напрягся, не то от боли, не то от замешательства. Конечно, было неприятно приплетать сюда Лору. Но именно она была его слабым местом. А Лиаму очень хотелось растоптать его, уничтожить, сравнять с землёй. Отправить в сам ад, где ему и место.

— Лорелин не стала бы спать с кем попало, — Боунс сверкнул взглядом.

— Почему ты думаешь, что мы спали? Ты ведь не считаешь её ветреной?

— Закрой рот, — с угрозой в голосе прервал Энди, — не смей говорить о ней, ещё и в таком контексте, ублюдок.

— Лорелин слишком осторожна и никогда бы не стала спать с пленником, даже если она влюбилась в него.

Боунс сжал кулаки и дёрнулся, попытавшись достать Шакала. Лиам усмехнулся и назло попыткам Ворона тронуть его, нагнулся к лицу.

— Она ведь предпочла меня тебе.

— И ты бросил её. — Прервал Кербер, сдерживаясь от того, чтобы не наорать. — Сукин сын, бросил. Не забывай об этом. Она ждала тебя, но ты из тех, кого волнует собственная шкура. И кто из нас урод, Райз?

Лиам плотно сомкнул губы, в молчании испепеляя его взглядом. Один — один. Энди расслабил руки, они вновь повисли в кандалах под тихое позвякивание. Реймон стоял у стола и не произносил ни слова, в глазах металась молния.

— Я люблю её, — зачем-то, словно в оправдание, бросил Лиам и посмотрел на Энди.

— Тогда что ты здесь делаешь? — с насмешкой кинул он и поднял голову.

Лиам молчал. Почему он здесь? Что здесь делает? Бейкер мёртв. Его нет. Дело практически всей его жизни рушилось на глазах. Он не давил и не требовал занимать его место, но

кто, если не Райз, был у него в плане? Лиам ни разу не слышал, чтобы Том упоминал хотя бы одного человека, который мог бы занять пост главы.

Логичнее всего было бы поставить Филлипа, который провёл с ним бок о бок столько лет, однако Коинс даже не пожелал оставаться Правой рукой, самостоятельно определив себя в советники. Словно показывал всем своим видом, как устал от бесконечной борьбы и возни с властью. Взгляд Коинса после смерти лучшего друга и вовсе потерял былой огонь и угас. Райз это видел особенно чётко.

Что он здесь делает? Продолжает дело Бейкера, потому что не мог бы смотреть за крахом всего. Не смог бы обернуться на руины, которые после себя оставил бы. Не смог бы простить себя, если бы ушёл так просто, забыв обо всём, что связывало его с этим местом.

Долг или любовь. Казалось бы, не такой, уж, и сложный вопрос, если от любви вырастают крылья. Но до чего же удушающий и терзающий по ночам, не позволяющий оставить себя в покое и позволить простое счастье.

— Не тебе, бездушному ублюдку, упрекать меня в ошибках.

— Много ты знаешь, — в тон ему прохрипел Боунс, сжимая кулаки.

Из первого пореза просочилась кровь.

— Лорелин лучше без меня. Я не могу дать ей счастья.

— Будто бы ты пытался.

— Я обещал беречь её, и я это делаю — держу дальше от себя. Будь она со мной, я бы подверг её опасности и ни за что бы не простил себе, когда с ней бы что-нибудь случилось.

Райз говорил «когда», даже не употребляя «если». Вспоминая события с Кассандрой Брук, он не сомневался в том, что Шакалы были способны сделать всё. Второй разрез неторопливо пересёк первый. Послышался тяжёлый выдох.

— Как был слабаком, так слабаком и сдохнешь, — подытожил Боунс, игнорируя то, как Шакал медленно выводил ножом линии по его спине.

Лиам промолчал на прозвучавшее оскорбление, но на мнение о его чувствах к Лоре, о поступке, о её ожидании и боли, о сдерживающихся на людях чёртовых слезах... Райз обогнул его и воткнул нож в бедро, копируя каждый свой чёртов шрам. Энди задержал оставшийся в лёгких воздух, в миг опуская голову, и залился негромким смехом, скрывающим за собой боль.

— Да... Память и правда... нечто.

Шакал пропустил его то ли комплимент, то ли выказанное восхищение и выдернул лезвие. Кровь стекала с ножа на холодный пол, джинсы приобрели еле заметный тёмно-бордовый оттенок. Боунс плотно сжимал губы, которые начинали терять цвет и молчал, но тело выдавало его истинное состояние.

Энди вздрагивал от монотонных движений — Лиам повторно полосовал раны, давил лезвием, словно желал проткнуть насквозь. Сэм опустился на стул, изредка поглядывая в сторону стола. Находясь у Боунса за спиной, Райз вновь услышал его смех. И его передёрнуло. Пелена ярости вновь стала окутывать тело и застилать глаза. Хохот отдавался в ушах, забираясь под самую кожу.

— Нравится, Райз? — выдавил Энди и закашлялся от холодного воздуха, — ну давай, что ещё? Бейкер даже не представляет, какому психопату оставил место. Наверное, в гробу перевернулся от такого.

Сукин сын...

Жар грубым порывом расползся от груди по всему телу. Райз остановился перед ним, схватил за волосы, посмотрел в бесстрашные глаза, которые только сильнее выбеживали его. Боунс смежил веки и резко дёрнул головой, когда перепачканное кровью лезвие рассекло кожу от верхней губы до середины щеки.

— Сука. — Прошипел Лиам и отошёл, чтобы наотмашь треснуть его рукояткой по лицу, — не смей говорить о Томе. Не смей о нём говорить!

— Надо... же... — Энди повис на руках, не поднимая голову, — какие мы нежные. А я то думал, что же именно выведет тебя из равновесия. Оказалось... твой ненастоящий папочка.

Юношу передёрнуло. Никто не смел упоминать Томаса, как его отца, вслух. Все говорили только «босс», называли по имени, а самого Райза упоминали, как преемника и только. Упоминание о родственных связях, а точнее о том, что Бейкер являлся опекуном парня, пришлось поднимать лишь при передаче легального бизнеса в его руки.

— А что, если поговорить о твоём настоящем папашке? — прошептал Энди, а в глазах у него заиграл удушающий парня огонёк.

Очередное увечье чуть не лишило Боунса глаза, шрам тянулся от крыла носа до почти уголка брови, чудом не задевая веко из-за некоторой дугообразности линии. Хотел бы Райз всадить ему это оружие в грудь и мотать его до тех пор, пока он не прекратит смотреть на него так, словно жертвой, — несмотря на боль, искажающую его лицо, — был Лиам.

Кербера удовлетворила реакция при упоминании Джонса. Сколько прошло лет, а Райз всё ещё не мог забыть тот ужас, который испытывал к нему маленьким ребёнком.

— Сэм, — позвал он палача, опустив руку.

Райз смотрел на измученного Боунса, лужу крови, состояние Ворона. Смотрел на ослабевшего парня, но вдруг понял, что не чувствует того облегчения, которого хотел добиться. Пусто. Только растерянность от охватившей его жестокости. Но выронить нож прямо сейчас, как бы сильно ни хотелось выпустить его из рук, было нельзя. Не мог он позволить Керберу снова увидеть слабость и испуг.

Реймон заметил перемены на лице друга и поднялся со стула, доставая из полки заготовленный препарат. Энди метнул внимательный взгляд в сторону жидкости, отвлекаясь от выражения лица своего врага. Лиам повернулся к Керберу, замечая то, что прекрасно осознавал сам.

Ты поймёшь любого человека, если когда-либо был на его месте. Ты узнаешь скрываемый за маской ужас, который нельзя было просто скрыть в глазах, если сам ощущал бьющий тебя по рёбрам страх. Ты заметишь, как человека сковывает паника, если сам когда-то чувствовал, как подбирались к тебе её когти. Может, внешне Боунс и выглядел относительно спокойным, внутри его коробило при мысли, что он не понимал, какой кошмар ему предстояло ощутить от созданного Реймоном.

— Теперь моя очередь, — Сэм подвинул главу в сторону и дёрнул Ворона за линию роста волос, Энди резко выдохнул и поморщился.

— Малолетние фетишисты.

— Не волнуйся, о фетишах стоило бы париться на зоне, но Бейн тебя хорошенько покрывает, — Реймон поднял шприц иглой вверх.

Лиам посмотрел на брызнувшие капли и одну, оставшуюся на самом кончике. Словно шприц медсестры из фильма ужасов. Райз подтянул к себе стул и оседлал его, облокотился на спинку, садясь на жёсткую сидушку. Боунс покосился на Райза, затем вернул внимание на шприц. Губы нервно поджались, однако он не произнёс ни слова. Руки медленно сжались в кулаки. Реймон не видел ничего, кроме вводимой в шею иглы. Лиам же видел всё — от подрагивающих пальцев до тяжело вздымающейся груди и дёргающегося от нервов кадыка.

Видеть страх Боунса было... чем-то невообразимым. Раньше казалось, что увидеть такое просто невозможно. Лиам никогда бы не подумал, что когда-то увидит... это.

Даже некомфортно. Словно твой любимый герой, сильный и крутой, который всегда всех спасал, вдруг узнался со слабой стороны и показался таким маленьким, и таким беззащитным, что весь образ разрушился на глазах.

А ведь даже героям может понадобиться помощь.

Реймон опустил шприц, а Энди судорожно втянул носом воздух и резко закашлялся. Лиаму хватало наблюдать за разным видом воздействия различных изобретаемых другом ядов, но созданное лично для Кербера пугало самой этой мыслью:

Создано. Для. Кербера.

Боунс медленно терял самообладание, из-под маски бездушного монстра просачивался настоящий Энди. Райз сосредоточился на его лице, Сэм слышал запросы своего босса и стал задавать Ворону вопросы. Его состояние ухудшалось, но Шакалы были единственными в помещении, кто не переживал за его смерть. О том, что он может умереть прямо сейчас, мог думать только Боунс, который абсолютно ничего не понимал в ядах Сэма.

Подвал наполнялся хриплым дыханием и тихими стонами, которые слишком тесно граничили с криками. Реймон с первых рядов наблюдал за представлением и крахом детской иллюзии, что перед ними было нечто невероятное. Лиам же сидел, продолжая опираться руками на спинку стула, и наблюдал за Энди точно так же, как он смотрел на него, пока его подчинённые «разговаривали» с семнадцатилетним пленным в тёмном подвале.

— Как всё закономерно, — вклинился Лиам в молчание, — что скажешь, Боунс?

Парень дёрганным движением вскинул голову, дрожащие губы вновь прикусывались от kloкочущего где-то в глотке воя. Костяшки побелели, когда он вновь стиснул кулаки дрожащими руками, на побледневшей коже отчётливее проявились вены.

— Энди, — привлёк Райз его внимание, — поговори со мной, расскажи нам о том, что планирует Маркус.

Боунс выдавил из себя смешок, но вышло хрипло и почти беззвучно.

— Попробуй ещё, сопляк, — надтреснутым голосом ответил он и с усилием воли растянул губы в полуулыбке.

Лиам стиснул от раздражения зубы, ничем не выдавая истинные эмоции. Реймон достал из кармана небольшую таблетницу, в которой уместилось бы несколько капсул. Боунс переместил на неё взор и хрипло втянул воздух сквозь сжатые челюсти. На лбу выступала испарина, а дрожь в его теле становилась заметнее. Сэм ухватил его за скулы и надавил пальцами, не оставляя ему возможности сопротивляться. Хватка друга не позволяла ему мотнуть головой, поэтому пилюля ловко оказалась у Кербера во рту.

Боунс двинул рукой, словно надеялся, что цепь могла освободить его из своих жёстких объятий, но металл крепко удерживал Ворона на месте и лишь сильнее стирал запястья. Реймон пронизывал его взглядом насквозь. Райз прекрасно понимал схему, которой пытался придерживаться Энди, однако сидел на месте и ждал. И молчал, когда Сэм задрал ему голову и ударил под рёбра. Боунс сорвался на кашель.

— Твои выходки здесь не пройдут, — предупредил Реймон и провёл двумя пальцами по горлу, вынуждая его проглотить, — даже не пытайся.

Словно слившись с местом, Райз наблюдал за тем, как дыхание Энди постепенно ухудшается дальше. Он не умрёт, но, уверенность в таком заявлении висела лишь по доверию к Реймону. Раз он сказал, что не убьёт — так и будет. Боунсу такого никто не обещал, а потому ощущение смерти над ним замерло дамкловым мечом.

Лиам поманил к себе палача, проследившего за цепким взглядом Энди. Тот не спускал с юноши глаз, сколько мог, однако вниманию Лиама больше бросались шрамы на лице, чем его скрывающий отчаяние прозрачный взор. Сэм подошёл к другу и нагнулся.

— Даю тебе ещё полчаса. Дальше завязывай, на сегодня достаточно, — Лиам убрал руки в карманы.

— Зачем останавливаться?

— Затем, — твёрдо выдал босс в ответ и поднял на своего подчинённого многозначительный взор.

Тот недовольно сжал губы и выпрямился, но после кивнул, размял плечи и повернулся обратно к Боунсу. Лиам же поднялся со стула. Энди хотел что-то сказать, однако не смог, резко опуская голову и напрягая руки. Райз покинул подвал, еле удерживая себя от того, чтобы не побежать оттуда как можно скорее. Когда дверь захлопнулась, то заглушила вырвавшийся у Боунса измученный стон — вещество в таблетке начало действовать.

Лиам отходил оттуда всё дальше, пока вовсе не оказался на заднем дворе вдали от всех, укрытый среди деревьев, шелестения зелёных листьев, жужжания насекомых и пения птиц. Мирное небо, тихий сад, спокойное время. Всё это скрывало подвальное помещение, где творились противоположные этой беззаботности вещи. Где чистое небо заменял однотонный потолок, а умиротворение глушилось воплями и жуткими звериными столами.

Парень прикрыл глаза и облокотился на ствол дерева, пытаясь убрать с глаз жестокую картину. Внимание опустилось на окровавленные руки и перепачканную одежду. Замер, блуждая взглядом по пятнам. Мысли собирались в очередной рой.

Казалось, что происходящие сейчас вещи неправильны. Всё должно быть по-другому, но точно не так. Не так.

— Лиам.

Он повернул голову на Филлипа. Мужчина остановился, когда зашёл в прохладу теней деревьев. Солнечные очки висели на вороте тёмно-синей футболки. Советник помолчал и повернул голову к особняку. Белый кирпич стен в самом низу покрылся тонким слоем грязи, на ступенях отпечатались следы обуви. Коинс разглядывал только юношу, смотрел на кровь, но решил, что пока промолчит.

— Стоило бы убраться, — заметил Лиам, проводя взором по крыльцу.

— Ты прекрасно знаешь, что я пришёл не за тем, чтобы пихать тебе в руки швабру.

— Знаю, — тихо, почти выдохнул слово Райз и кивнул.

— Сэм?

— Закругляется.

— Информация?

— Ни слова.

— Очевидно, — без капли разочарования бросил Филлип и убрал руки в карманы джинсов.

— А я всех сдал, — с ненавистью прошипел парень, обращая на себя всю злость.

— Напомни, сколько тебе было. И сколько ему сейчас, Лиам.

— Это не имеет значение. — Попытки Фила остановить внутреннюю ругань парня оказались бесполезны.

— Имеет.

— Лиам, — Коинс покосился, словно ожидал какого-то словесного выпада, — семнадцать лет. Тебя взяли в семнадцать лет. Ему на десять больше, не забывай об этом. Ты был неопытным пацаном, который...

— Который и сейчас такой же неопытный слабак, — закончил он, мешая продолжить подбадривающую речь.

Повисло неудобное, напрягающее молчание. Пышная крона завораживающе переливалась на жарком солнце. Редкие облака не могли перекрыть голубизну неба, чистого и очень яркого. Под ногами расстилалась пушистая трава. Чикаго нежилась под июльским солнцем, в то время как Райз ощущал только невыносимое пекло и головокружение.

— Полагаю, Бейн скоро будет в курсе, что его дорогого и покорного слугу взяли.

— Я расставил охрану по всем границам, — оповестил Коинс.

— Но сейчас её может быть недостаточно.

— Сейчас её может быть недостаточно, — вторил ему собеседник.

Лиам понимающе качнул головой и направился к особняку. Количество работы с каждым днём меньше не становилось.

Глава 6. Всего лишь день рождения

В девятнадцать лет, когда жизнь только начинает показывать тебе все свои возможности, ты ожидаешь двадцатилетия с особым трепетом. Красивая цифра, двадцать. А там уже двадцать один, и ты прошёл все пороги совершеннолетия у всех штатов и стран, можешь покупать себе выпивку и гонять по клубам хоть до утра. Друзья закатывают тебе вечеринку. Приглашают абсолютно всех твоих знакомых, чтобы набрать большого количества народа и сделать тебя центром Вселенной на один вечер. А потом закидывают сумки в машину и отправляются покорять какой-нибудь Лас-Вегас.

Но в его мире всё далеко не так, как в красивых фильмах о молодёжи с рейтингом восемнадцать плюс.

Число в календаре гипнотизировалось минут пятнадцать. Желание было одно — чтобы за одно моргание экран выдал следующее, словно этого, сегодняшнего дня попусту не существовало.

— С днём рождения.

Лиам поднял голову и увидел остановившегося у стены Сэма. Именинник заблокировал телефон и обхватил его двумя руками. Натянул лёгкую улыбку.

— Спасибо.

— Какие планы?

Они продолжали поддерживать зрительный контакт. Из окна тянулся приятный ветер, мягко ласкающий прохладой кожу. Погода была благоприятной, как для вечеринки, так и для простых прогулок. Тепло, воздух чистый и свежий — с утра прошёл небольшой дождик. Райз пожал плечами и убрал гаджет в сторону, не глядя откладывая тот на покрывало.

— Работать.

— Лиам, — чуть поморщился друг, недовольный ответом.

— Я не хочу отмечать, Сэм, — устало перебил парень, — мы уже много раз обсуждали, и я думал, ты прекрасно меня понял.

— Я понял, но...

— Тогда давай забудем об этом событии. Мне двадцать, ура-а, — без особой радости протянул именинник, — я стал на год старше и опытнее, теперь готов сворачивать горы и шеи.

— Завязывай быть таким, — Реймон скрестил руки, продолжив упираться плечом в стену.

— Каким?

— Хладнокровным.

— Если это спасёт мне жизнь — и не подумаю.

— Какой бред ты несёшь...

— Сэм, — в голосе неконтролируемо промелькнуло раздражение.

Сдавшись, друг слегка поднял ладони — промолчал.

— Что скажешь об Энди?

— Да, ничего, как молчал в тряпку, так и молчит. Похвально молчит, — химик удержал раздражение при себе.

Лиам поджал губы и стиснул пальцы в замке. Реймон заметил этот жест и прошёл к кровати, опустился рядом. Горячая ладонь коснулась плеча. Райз не стал её сбрасывать, но продолжил пялится в пол. В затянувшемся молчании Сэм протянул парню маленькую коробочку. Юноша покосился на друга, разжал пальцы, позволяя вложить её в руки — несмотря на размер, вес та имела.

Он медленно стал убирать обёртку, откладывая бумагу в сторону, и снял крышку. Внутри лежала новенькая Зиппо. Лиам провёл по ней пальцем. Холодный металл приятно навевал воспоминаниями: беготня по городу, простая раздача информации, полная конфиденциальность и спокойствие. Не то что сейчас: сплошное давление, необходимые решения проблем с последним за ним словом, улетающее время и кроющаяся по ночам паника. Ничего. Ничего больше не будет, как раньше.

Лиам стиснул в ладони зажигалку и посмотрел на Сэма, чуть кивнув головой в благодарность. Губы в это время сжались в нить. Неприятный ком из тоски и сожалений подкрался к горлу, помешав словам выбраться из груди. Друг похлопал именинника по плечу и поднялся с кровати, удаляясь к двери.

— Сэм.

Парень остановился и отпустил ручку.

— Нам надо поговорить... — Лиам прочистил горло лёгким кашлем и поправил себя, — я хочу поговорить.

— Хорошо, — Реймон выдвинул стул из-за письменного стола и опустился на него, кладя руку на спинку.

Он молчал в ожидании того, когда начнётся разговор, но стены стали давить на Лиаму с новой силой. Все слова в одно мгновение разлетелись по сторонам и заиграли с ним в догонялки «собери полноценное предложение со смыслом». Юноша медленно вдохнул и растрепал волосы, давая хотя бы несколько секунд на то, чтобы собраться.

— Не тяни, — подтолкнул Реймон, и тогда он стал собирать мысли, как цепочку — по крошечным звеньям.

— Ты слишком жесток с Вороном.

— С Боунсом? — палач с удивлением вскинул брови, — я ещё мягок. Этот ублюдок с тобой не церемонился, когда резал тебя на фарш. Или забыл? Сам-то видел, что с ним сделал? Мне ли говорить о жестокости?

Райз сомкнул губы и отвёл взгляд, напарываясь на валяющиеся в углу у стола кумпуры и спортивную сумку, из которой те и торчали.

— У них не было яда, — Лиам нарочно проигнорировал встречный вопрос.

— И чувства жалости тоже, — недовольно продолжил Сэм и поймал взгляд уже своего босса, а не простого друга, — с чего бы тогда мне его жалеть?

— Ты мстишь не за меня, — Лиам покачал головой.

— Чего ты пристал? — сам разговор и к чему он катился Реймону явно не нравился.

— Сэм, он не виноват в смерти Алекс.

— Это Вороны, блядь, устроили у нас подрыв.

— Но не он лично устанавливал эту бомбу, а крыса, которая всё вынюхивала. Продажная тварь, которая укусила руку, которая её кормила.

Химик поднялся так резко, что стул с грохотом упал на пол. Тело машинально дрогнуло, переходя в состояние пружины. Райз поднял голову. На лице парня искажилась и злость, и раздражение, и скрываемая ото всех боль, которая не смогла пройти спустя эти годы. Он дёрнул Лиаму за ворот футболки, грубо поднял с постели и толкнул к стене. Из его груди вышел весь воздух. Реймон навис над ним, упираясь одним кулаком в старые обои и дёргая второй кофту, с силой стягивая у горла.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы Лора всё-таки сдохла, — злостно прошептал он, — её-то ты по-настоящему полюбил. Может, ты думаешь, что любил Алекс, но это была твоя первая миленькая беззаботная влюблённость. То, что чувствовал к ней я не идёт ни в какое сравнение с твоими чувствами, я не просто любил её, я был готов себе шею свернуть, лишь бы счастливой её видеть, и где она теперь?

Сэм резко отстранился, отходя от Лиама на несколько больших шагов. Отвернулся, сжимая челюсти и кулаки. Давил в себе хлынувшие эмоции. Райз повернул голову к кровати, где множество раз они с Алекс болтали о важных и не особо важных вещах до самого утра, обсуждали совершенно беззаботные планы на следующий день.

Возможно, Сэм и прав насчёт глобальности чувств, но быть уверенным в этом даже сам Лиам не мог. Поэтому он не имел права решать, были ли это первые чувства или же трепетная любовь, которую пришлось быстро отпустить. Но Лорелин... В очередной раз он упомянул Лорелин.

— Я понимаю твою боль, но ты не имеешь права так говорить со мной, — глухо выговорил Райз.

— Потому что ты теперь у нас крутая шишка? — съязвил он.

— Потому что я всё ещё твой друг, Сэм. И мне тоже плохо.

Лиам вскинул голову и заглянул в утихающую бурю глаз своего собеседника, игнорируя то, что фигура перед ним начинала постепенно расплываться. Райз дал себе мысленную затрепину и отвёл взгляд, пытаясь совладать с эмоциями. Дождавшись, когда они отпустят, продолжил:

— Я не тяну это всё. Я не вывожу, Сэм.

Реймон стыдливо опустил взгляд.

— Я не знаю, что мне делать, я не понимаю, куда это всё катится. Прошло чуть больше полугода, а я всё ещё не понимаю, как мне жить, когда их всех нет. Всех: ни матери, ни Алекс, ни Тома, ни Айзека. Ни-ко-го, — прошептал Лиам и быстро втянул через полуоткрытые губы кислород. Голос, к его разочарованию, зазвенел всеми отчаянными нотами, которые он пытался запихнуть куда дальше. Но теперь они резали горло длинными тошнотворными иглами.

Реймон скрестил руки на груди, перебивать он не собирался.

— Мне двадцать лет, я какого-то хрена сижу во главе Шакалов. Что я вообще, на хрен, здесь делаю, скажи мне? Скажи мне! В этом дерьме остались лишь мы и Фил. Возможно, Скотт, — Райз махнул головой в сторону двери, — возможно, Рид тоже не полный психопат и тоскует по Томасу. Я не знаю, что в его голове, но на могилу он ездит куда чаще меня и постоянно там прибирается. Я же после похорон даже там не был ни разу... — голос стал едва различимым.

Сэм поджимал губы и молчал. Он снова отвёл взгляд, когда Лиам вновь посмотрел на него, а не тупую стену, где ещё год назад висели грёбанные плакаты, на которые ворчал Хилл и закатывал глаза Бейкер.

— Возможно, Алекс для тебя была нечто бóльшим, чем для меня, и я бы правда понял тебя, если бы ощутил такое с Лорелин. Но я видел, как она умирала, и всё, что я мог, пока она хрипела от боли в этой сраной заброшке, — это смешивать ингредиенты, как ты меня учил.

Райзу удалось вернуть внимание серых глаз на себя. Их взгляды встретились. Лиам потёр переносицу и перевёл дыхание.

— Ты знал, что Боунс не бездушная тварь, как нам до этого казалось? Оказывается, даже такой монстр, как он, может любить, а ведь я думал, что он абсолютно бездушен. И если бы только я не полез к Лоре, как за спасательным кругом, возможно, она бы сейчас была куда счастливее, чем есть, потому что ей бы не пришлось терпеть предательство. А мне бы не пришлось разрываться между ней и Томом. — Райз махнул руками, — мы все потеряли тех, кого любили, и детства у нас, сука, не было, но имеем то, что, имеем, да хер я клал на всю эту справедливость в жизни её нет. Как и нет Алекс и Томаса. Их нет, они мертвы.

Друга еле заметно передёрнуло, но он не перебивал, и смотрел в глаза, в которых ледяная корка льда трескалась от давления и переживаемой боли. Спрятал руки в карманы. А вот Лиам больше молчать не мог, настолько его накрыли эмоции, которые он так старательно душил. Теперь же они душили его.

— Хочешь мстить за Алекс? Найди ту тварь, которая подорвала склад. Он свалил из Штатов, найдёшь его? Делай с ним, что хочешь, хоть на запчасти этого ублюдка разбирай, но Боунс такая же пешка, какими были и мы: ему сказали, он передал, бам! задание выполнено.

Лиам прошёл вглубь комнаты и убрал руки в карманы. К Сэму он так и не повернулся, рассматривая зелёный пейзаж за окном. Красиво, но совершенно недостижимо в потоке серых мыслей.

— А убьёшь Энди не только удовлетворение не получишь, натравишь на нас Бейна так, что он от нас камня на камне не оставит, а я это дерьмо не вывезу, Сэм. Я слишком слаб для такой войны, как и наши солдаты. Сколько нас осталось? Это смешно — нас просто раздавят, а я не позволю. — Лиам вмиг заговорил менторским тоном, напоминая Реймону их бывшего главу. Томас говорил точно также, даже взгляд становился таким же суровым, — слышишь, Сэм? Я не позволю, чтобы Шакалы развалились. Не после того, что я видел, ночуя с Томом в его кабинете за кипой бумаг и десятками звонков и встреч. Не позволю.

Реймон опустился обратно на стул, поставив тот рядом со столом. Райз упал на кровать и до боли прикусил губу. Стиснул прижатое к груди колено.

— Извини, — виновато произнёс Сэм и чуть опустил голову, — я не думал о Бейне.

— Да что мне твои извинения... — Лиам тяжело выдохнул, — пожалуйста, не становись психом, Сэм... Только не ты.

Парни просидели в комнате, постепенно возвращаясь к спокойному разговору. Лиам попросил прекратить изводить Боунса и оставить его в покое, пока тот не восстановится от применённых к нему ядов. На этом и договорились: Энди сбросят в камеру, пока он будет без сознания сделать это будет несложно, а дальше — в путь разбираться с другими задачами.

В коридоре Райз успел получить ещё несколько поздравлений, но всё же поспешил скрыться от всех в кабинете, чтобы забыть об этом дне и заняться документацией. Фил за весь день так и не появился, оставляя босса в полном одиночестве. Но тот был не сильно против.

За окном всё погрузилось в сон: небо накрылось тёмным одеялом, деревья под ним почти затихли, лишь тихий ветерок изредка будил их, и дремлющие листья недовольно шелестели в ответ. На столе работала одна лампа. В кабинете царил мрак, который выжигался белым светом. Райз сидел в кресле под приятные дуновения кондиционера, — ночь выдалась душной, — смотрел на спящий камин и дёргал крышку подаренной Зиппо, довольствуясь гармонией внутри от простого фирменного постукивания зажигалки. Тогда Коинс всё-таки появился в дверях.

— Фил, — в голосе засквозило облегчение, Лиам сдержанно улыбнулся.

— Выйдем? — вдруг сказал советник, заставляя главу не на шутку напрячься.

Райз молча последовал за ним, но не понимал, почему мужчина свернул к гаражу. Фил махнул одному из механиков, и тот скинул чехол, открывая вид на новенький, блестящий «Кавасаки». Лиам недоверчиво посмотрел на советника, но он кивнул в сторону мотоцикла. В груди что-то отозвалось трепетом, когда ладонь накрыла бок металлического коня, сердце тоскливо защемило. Но вопрос на лице парня так и не исчезал.

Что это?

— Твой-твой. С днём рождения, Лиам.

— Да ты с ума сошёл, — прошептал он с неверием. Нет, не его это, быть не может! — вы же радовались, когда я с этих байков слез...

— Томас... — он осёкся, но вздохнул и продолжил, — Томас всё равно хотел подарить его тебе, так что я лишь...

Механик тактично удалился, оставляя их наедине. Райз повернулся к Коинсу и в несколько торопливых шагов крепко обхватил его руками. Фил растерянно замер и, кажется, прекратил дышать, но всё же приобнял расчувствовавшегося парня.

— Спасибо...

Коинс похлопал юношу по спине, и он не стал более приводить советника в замешательство и быстро отстранился. Коинс раскрыл ладонь, в которой лежали ключи. Посмотрел, давая понять одним лишь взором, что да, можно — можно их взять и забыться хотя бы на одну ночь, свалить, как раньше, умчаться за ветром, схватить за хвост прошлое, обогнать настоящее и влететь в будущее, чтобы расставить там свои правила. Забыться в скорости и клекотании мотора, сливающегося с биением сердца.

Райз вновь посмотрел на Филлипа и подбежал к мотоциклу, провёл по холодному чёрному металлу, дотронулся до зелёных деталей. Дыхание перехватывало от восторга и такого набора эмоций, который невозможно было распознать.

— А я...

— Сегодня можно, я позаботился об этом, — улыбнулся Фил, — но будь начеку.

Райз кивнул и рванул в комнату, вывалил из шкафа вещи, достал мотоциклетный костюм, стряхнул с него пыль и стал натягивать тот на ходу так, что чуть не свалился на пол, схватил маску и на секунду замер в дверях, посмотрел на неё, как на чужеродный предмет. Странное действие, совершенно необдуманное, но настолько механическое.

Может, конверты он уже не разносит, но его голова всё ещё имеет вес...

С этой мыслью Райз положил её в карман и направился в гараж, дёрнул дверь комнаты, которая по инерции с хлопком закрылась за спиной. Забытые когда-то, как и костюм, мотоциклетные перчатки и шлем, которые тихо лежали в самом углу шкафа, словно знали, что ещё пригодятся своему хозяину.

Одежда непривычно прилегала к телу, словно объятия давнего друга. Впитавшийся в экипировку запах дорожной пыли и выхлопных газов тонко улавливался носом, как аромат страниц старой книги. Вес куртки давил непривычной тяжестью — словно доспехи, в которых когда-то чувствовал себя неуязвимым. Здесь Лиам понял, как отвык от их грубого уюта — теперь мотоциклетный костюм не казался второй кожей, а был чем-то чужим, но это лишь временно.

Райз усмехнулся. Да. Неудобно. Непривычно. Но чертовски приятно.

Замшевая внутренняя часть ответила окутывающим теплом собственного тела. Быстрым взмахом руки опустив визор, Лиам осторожно выехал к воротам, вновь привыкая к двухколёсному другу. Это было невероятно... Ни одного слова не хватит, чтобы описать трепет в душе. Тело всё ещё помнило, каково это, сидеть на байке и ловить встречный ветер, а потому скорость постепенно, но развивалась, вынуждая стрелку спидометра взбираться всё выше.

Всё было прекрасно, но...

В голову ударом кувалды вонзилась городская суета, следом за этим — яркий свет фар одного автомобиля, временем позже — кричащий клаксон другого. Удар. Грубое падение. Жуткий грохот и отчаянный скрежет металла по асфальту. Боль в теле прошлась по каждой клетке и кольнула в плечо. Вспомнилась боль в суставе, адски отдающая в шею и голову, скорая, поломанный байк.

Мотоцикл дёрнуло, Лиам пришёл в себя и, снова очутился в реальности. Посмотрел на дорогу, быстро вернул себе управление и продолжил путь, чуть тряхнув головой. Сколько ему приходилось переживать аварий и падать с мотоцикла, но лишь та последняя засела в памяти наиболее ярко... Стоило бы выбросить её и забыть, как ночной кошмар, но не всегда получалось.

Волнение понемногу отступало, вновь пришла лёгкость. Райз вдруг рассмеялся — скорее от какой-то хлынувшей эйфории, а не чистого восторга, — и сильнее стиснул руль. И гнал. Гнал так, словно информатора вновь настигла погоня, а оружие направлено ему в спину. Словно Кербер вновь объявил охоту, и Ключу приходилось уходить от каждого нанятого наёмника.

Вечерний трафик гудел недовольными водителями, которые желали поскорее добраться до дома. Лиам свернул на перекрёстке, чтобы объехать пробку, потом просто мотал по городу, с огромным удовольствием разгонялся по пустым трассам и притормаживал, приближаясь к прижимающимся друг к другу машинам со сверкающими красными огнями, как вдруг «Кавасаки» завёл его на Аутер-Драйв. Лиам вскинул руку, согнув в локте на уровне груди. Часы показывали ночное время.

Двигатель затих, и Шакал медленно слез с мотоцикла. Мост выглядел чуть иначе, чем в охватывающую город зиму, но всё так же массивно и гордо. Тифоны и плеск воды нарушали тишину. Руки легли на поручень, взгляд остановился на отблесках фонарей на беспокойной от жизни воде. Тоска охватила сознание, плечи опустились вместе с головой, в ноздрях неприятно защипало. Райз до боли прикусил губу.

Чёртовы воспоминания... Только не они.

Глава 7. Обречённость и страх

Память была сильнее желания. И это проклятье решило разыграться вновь.

Снова эти картинки и снова эти воспоминания.

Чёткие. Яркие.

Мужской профиль человека, которого он слишком хорошо помнил, чтобы забыть когда-либо. Аромат полыни, который слышатся каждый раз, когда он оказывался рядом. Внимательный и заботливый взгляд. Тёплый. Отцовский.

Райз зажмурился. Иглы нещадно пронзали горло.

— Пап... — вырвалось у парня вслух, — пап, я... Я не могу... Я не справляюсь... Я не... Я не понимаю, что делать.

Шёпот прерывался на ещё более тихие звуки. Райз зажмурился и медленно втянул воздух, но всё сорвалось, когда лёгкие предательски сжались. Слова выдирались с таким трудом, словно они въелись под кожу, а выдрать теперь их можно было лишь с кровью. Больно. Но не только от тисков в груди и кома в горле.

Накопленная годами боль, которая подавлялась, игнорировалась, перекрывалась чем-то позитивным. Но она не покидала парня, а лишь накапливалась, как под толстым слоем снега на целый сезон укрывалось всё живое. Боль разрасталась годами и держалась за хлипким замком. Теперь дверь дала трещину, а замок погнулся.

— Я не понимаю, что со мной... Почему я так от всех отделился, я ведь не такой... Я ведь не такой? — юноша поднял голову и зачем-то посмотрел на небо, — я не мог... — ком мешал проговаривать слова чётко, но разговор с пустотой всё равно продолжился, — как ты всё это тянул, это же... Это же безумие какое-то... Господи, как мне тебя не хватает...

Райз опустился на асфальт, ослабевшей рукой стиснул поручень. Почти не чувствовал, сжимал ли он металл или еле дотрагивался, но запястье заныло. Райз поджал ногу, чуть вытянул вторую. Эмоции не слушались, эмоции вышли из-под контроля и завладели им, связывая по рукам и ногам. Тряска, чёртовы всхлипы и слёзы — поток вырвался наружу, совершенно игнорируя желание успокоиться и взять себя в руки. Организм не выдержал очередное давление и решил разобраться со всем сам.

Весь мир вдруг повернулся к парню задницей и помахал средним пальцем, будто говоря, что больше его хладнокровие не прокатит, давая трещину за трещиной.

— Не могу, не могу, не могу! Я не могу! — Райз пустил руки в волосы и судорожно всхлипнул, ненависть от проявления слабости прожигала насквозь, но остановиться было невозможно, слишком много всего скрывалось, слишком много, слишком долго.

— Я боюсь... Мне так страшно, пап... Почему ты меня оставил, почему сейчас, почему, почему, почему... Я не хочу быть таким, не хочу быть, как Боунс, я не хочу быть, как Рид,

я собой хочу быть... Идиотом, глупцом, я безрассудным хочу быть, как раньше, я не готов к такой ответственности, я же всех погублю, пап. Я всё разрушу...

Слёзы обжигали лицо, перед глазами была лишь пелена. Тело сводило от судороги, глотку сдавливало тяжёлой рукой. Ветер ударил по лицу словно пощёчиной, за спиной раздался громкий сигнал одному из кораблей. Растеряв остатки самообладания, Райз завыл от боли под заглушающие всё вокруг переговоры суден. Пустил руки в волосы, сжал корни волос, сгорбил спину, становясь меньше — желая стать меньше. Тьма любезно скрывала парня от мира, тень от поднятого моста — приобнимала.

— Я не хочу без тебя ничего делать... Я не хочу ничего. Какой смысл... Ради чего это всё? Ради кого... Пап, мне так страшно... Я словно теряю себя, а я... Я не хочу себя терять... Я всё ещё... — на миг Лиам прервался, сдавленно втягивая воздух, — я всё ещё мальчишка, которого ты пытался воспитывать, хотя это определённо не входило в твои планы... Я же ломаю всё, что ты так кропотливо строил, пап...

Пап... Пап, пап, пап, пап, пап. Пап! Господи! Как же больно было произносить это слово вновь и вновь, но как же было тяжело остановиться.

— Я не хочу-у, — провыл юноша и сжался, вжимаясь плечом в холодный столбец ограждения, — почему я должен думать о других, если я даже о себе позаботиться не могу... Я жалок и беспомощен, как я могу вести взрослых людей... Я всего лишь глупый мальчишка, который решил, что справится. Не справлюсь я...

Райз задрал голову и посмотрел на верхушку моста, разделяющую полосу, сейчас уходящую в небо. Как быстро слёзы обрушились, так и высохли, оставив после себя лишь дорожки на лице. С усилием он встал с асфальта и, шаркая подошвой, добрался до «Кавасаки». Перекинул ногу, сел, попытался прийти в себя. Натянул шлем и ощутил себя в клетке. Рёв мотора был не в силах перекрыть разрушающую бурю внутри. Лиам ехал больше на автомате — видимость из-за пелены была как в тумане, только память, словно навигатор, направляла его и подсказывала, в какой момент необходимо свернуть.

Забор кладбища встретил его мрачно и довольно неприветливо. Ночью оно из места тоски и скорби превращалось в территорию для жутких историй и жестоких обрядов. Лиам огляделся, достал маску, закрыл чёрной тканью половину лица. Пройти через сторожа оказалось несложно: для Ключа пробираться незамеченным было раз плюнуть, слишком часто приходилось уходить по-тихому, да и учитель у него был лучший. Хилл до сих пор нигде не засветился, а это о многом говорило.

Неровная дорожка сама привела к нему. Тусклый свет почти не тянулся сюда и укрывал могилу в тени. Рядом лежали свежие цветы. Шаги отдавались шарканьем гравия под ногами, а затем трава и земля заглушили все звуки. Где-то далеко проехал одинокий автомобиль, гул мотора скользнул по кладбищу и растворился в воздухе. Лиам поджал губы и, вытянув руки по швам, стиснул кулаки. Ногти полумесяцами впились в ладони.

Деревья вновь зашептались. Райз свалился на колени перед могилой Томаса. Провёл ладонью по холодной земле и сгрёб её пальцами. Та неприятно забралась под ногти. Яркий фонарь охраны мелькнул где-то вдали, луч становился всё дальше и дальше, всё быстрее и быстрее оставляя парня одного. Совсем одного.

— Пап, мне так страшно... — прошептал он, словно боялся, что его могут услышать и тогда придётся убегать, перелезая через дурацкий забор, — я боюсь того, что происходит со мной, но я не могу... остановить это...

Лёгкое дуновение ветерка прикоснулось к щеке. Райз сомкнул веки и сгорбился, уперевшись руками в землю.

— Как ты держался? Как остался таким человечным...

Небо над головой отвечало тишиной. Листья мягко зашелестели за спиной.

— Мне голову сносит, я так не могу. Я стараюсь... правда стараюсь, но я... я словно выключаюсь, и уже не за рулём. Боже, я боюсь... я не понимаю, что происходит. Я так боюсь... то, каким я становлюсь — боюсь. Пап, я как будто по-настоящему схожу с ума... Но я ведь не псих, не псих же? Я не хочу сходить с ума. Пап, я боюсь не остановиться...

На секунду он затих и мотоциклетный костюм показался ему клеткой, которая не обнимала, а держала, как смирительная рубашка — пыталась удержать притаившегося психа в ней.

— А что, если я... что, если оно вдруг перешёлкнет окончательно? Что будет, если я не смогу выбраться... Если эта грань сотрётся, пап...

Райз взглянул на надгробие и вновь согнулся, пальцы зарылись в холодную почву. Тишина кладбища дарила иллюзию спокойствия. Облака расступились, и на небе заблестели звёзды. Мелкие камушки, которые впились в колени и ладони, отрезвили его.

— Пап, я не хочу становиться монстром...

Глава 8. Далёкий Висконсин

Погода в Милуоки оказалась ещё омерзительнее, чем в родном Чикаго, и Айзек с тоской смотрел в окно на надоевшую ему сырость и серость. Промозглый ветер просачивался через приоткрытую форточку, а морозящий дождь добавлял улицам определённую тоску.

Если бы не постоянные задания, в которых утопал Хилл, то он бы завыл от однотонности картины.

Все поставленные задачи с чётко выставленными сроками были им выполнены ещё вчера — раньше указанного времени. Итан спокойно выслушал и отдал дальнейшие распоряжения своим людям, а его отправили отдыхать и даже позволили где-нибудь развеяться.

Как собаке.

Спасибо, что не погладили по головке и не скинули огромную кость, его бы точно от такой признательности бы перекосило.

Всё это, конечно, простые мысли. Ни Итан, ни, уж тем более, Говард, ни за что бы его не поблагодарил и не похвалил бы за проделанную работу. Указывать на недочёты — просим за первый ряд, а вот говорить «спасибо» и хвалить для них было чем-то неизведанным и ненужным. Эти парни казались жёсткими и напоминали Хиллу разве что Филлипа Коинса да Маркуса Бейна. И те, и другие друг друга стоили.

Айзек смотрел в окно на двух придурков, решивших устроить забег по скользкой земле. Рик всё же после баловства упал, а Рей загоготал, тыча в своего брата-близнеца пальцем, злорадствовал. Или же наоборот... Чёрт знает, как их отличать. Хиллу давалось это не так просто, как хотелось. Видеть две, как сделанные под копирку рожи ему ещё не доводилось. Двойняшек видел, но разнополых, таких и отличать не трудно, а этих... Кавани выводили его из себя. И были на то причины.

На задания его начали отправлять именно с близнецами, скорее всего, хотели контролировать капитана чужой организации и постоянно следить за каждым его движением и вздохом. Разве что всем было плевать на то, что они могли свести его с ума своими выходками. Или же об этом все знали и хотели поглумиться.

— Хилл. — Рей выбежал из гостиницы и остановился напротив Шакала, покосившись по сторонам. Людей на улице уже не было, — ты уже закончил?

Парень кивнул и убрал руки в карманы куртки. Зима приближалась к концу, но холод всё равно стоял премерзкий. И такая погода мыслями возвращала его домой. Новость, разлетевшаяся по всему Чикаго год назад, быстро дошла и до штата Висконсин. Хилл не знал, что творилось в Шакалах после смерти Бейкера, но эта неизвестность томила и давила на него с ужасной силой. Он старался поддерживать с Лиамом связь, однако она быстро истончилась, и Хилл мог только строить догадки о том, где его ученик, ставший ему близким другом.

Спрятав нос в воротник, он посмотрел на своего напарника и дождался, пока тот закончит свою речь о том, что им требуется ещё немного времени, прежде чем Рик закончит возню с фальсифицированными документами. Рей ушёл внутрь, и, когда Айзек развернулся, то увидел... Рея. Хилл встал, как вкопанный, но тут же обернулся на вход в гостиницу и никого там не обнаружил.

— Ты чего? — Рей проследил за его взглядом и хмыкнул, — погреться захотел?

— Ты разве не... — Хилл поднял руку, указывая за спину.

— Я пока тебя ждал, задубел. — Ответил Кавани, — решил пройтись вокруг гостиницы.

— Ясно. — Хилл не стал больше спрашивать, какого хрена этот недофранцуз перемещается в пространстве, и потёр переносицу.

Недофранцуз он по одной простой причине — при появлении на горизонте Кассандры, тот начинал мурлыкать на своём французском, как на родном. Девушка с ним была знакома ещё до появления в её жизни Шакала, но не ревновать к Стервятнику, стелящему его невесте комплименты всякий раз, как он её видел, всё ещё прекратить не мог. Только самой Брук он не признавался, постоянно увиливал от ответа.

Он поговорил с Реем, до сих пор не понимая, что за глюки у него были. Тот ушёл в гостиницу, а Айзек остался стоять на холоде в недолгом ступоре и смотреть на двери, за которыми мягкий свет освещал ресепшен. Айзек уже думал, что ему пора к психотерапевту.

А подобные случаи повторялись постоянно.

— Эй, Хилл! — Рей с белоснежной и широкой улыбкой подбежал к капитану, и он уже почувствовал неладное, — ты уже отвёз Кассандру на прогулку?

Парень развернулся к нему и прищурился. Интерес к его девушке вызывал много вопросов. Хилл сделал медленный шаг к нему. Кавани ощутил, исходящую от него опасность, но не стусевался, а лишь больше раззадорился. Рей сощурился и оскалился, поднимая вверх указательный палец, он ткнул им в грудь Айзеку.

— Эй? — протянул Кавани с усмешкой, — что такое, напарник?

— Чё ты вокруг Кэс вертишься? — нахмурился Хилл и убрал от себя его руку.

— А что, нельзя? — Рей довольно хмыкнул, — я её пятый год знаю, в отличие от... тебя.

— Вертелся бы ты вокруг неё, как Рик, я бы ещё понял, — прошипел Хилл, он ощущал, как его начинает охватывать злоба, — но ты.

— Что я?

Нахальное выражение его лица раздражало. Кулак сжался так сильно, что костяшки побелели, но самоконтроль держал Айзека на месте. Его напрягал этот близнец даже больше, чем Говард в роли начальства.

— Думаешь, я не вижу, как ты на неё смотришь?

Рей фыркнул.

— И как же я на неё, по-твоему, смотрю?

— Будто готов свалить к её ногам весь мир, — ответил Хилл и подошёл вплотную.

— Нет, дружок, так смотришь на неё ты, — улыбнулся Кавани и расправил плечи, — а я всего лишь... — на миг Кавани задумался. Подобрать слова оказалось куда сложнее, чем он предполагал.

Ответа так и не последовало. Парни стояли на территории перед домом и были у всех как на ладони. Драку они не затевали, разбирательство тоже не желали заводить, поэтому никто не выбегал на улицу, чтобы остановить их. Болтали и болтали — чего мешать.

— Я не имею ничего против её дру-зей, — выделил Хилл последнее слово так, словно давал ему оплеуху, — но её друзья должны осознавать чёткие границы реальности и не перемешивать их с фантазиями.

— Чё ты заладил? — уже раздражённо бросил Рей, по его лицу заходили желваки, он скрестил руки и отвернулся, — у меня сегодня выходной, так что всё, отвяжись от меня. Шакалёнок.

Хилл хмыкнул. Нагнулся к его уху, задевая дыханием кожу.

— Да. Я Шакал. И всегда им буду. Где бы я ни был. — Айзек выпрямился и направился к крыльцу, бросив взгляд на наручные часы, — и прекрати катить к Кэс, признай, что ты плотно сидишь у неё во френдзоне.

Хилл ушёл в дом, а Кавани прекратил смотреть в спину парня, когда та пропала за входной дверью. Кавани, плотно поджав губы, опустил сердитый взгляд на носки кроссовок.

Рей с силой хлопнул дверью, чем привлёк внимание своего брата. Жили они в небольшом, но достаточно просторном доме для двоих персон. Рик оторвался от тетради с новыми строками сочинённой им песни, которую никогда не увидит свет, и повернул голову к выходу. Их комнаты были напротив.

Тишина разорвалась на куски включённой музыкой, танцующей чечётку по барабанным перепонкам. Тогда стало понятно, что у его братца что-то случилось, и он поднялся с кровати. Кавани вышел в коридор и остановился у двери, пару раз постучал, а затем громко позвал близнеца, пытаясь перекричать играющую мелодию. Ответ дал лишь женский голос из колонки: в комнате играла оригинальная версия очень популярной в своё время песни «Zombie». Рик постучал настойчивее и решил зайти, так и не дождавшись разрешения. Он застал своего брата на кровати, бездумно пялящего в потолок.

— Эй, — громко позвал его брат, — ты в норме?

Молчание.

— Э-эй. Рей.

И вновь без ответа.

Рик подошёл к колонке и отключил её, проведя по сенсору. Близнец недовольно повернул голову. Наконец-то, получилось привлечь внимание.

— Включи обратно. — Фыркнул Рей и закинул руку за голову, отворачиваясь.

— Что за подростковая депрессия? — возмутился брат и подошёл к изголовью, чтобы заглянуть парню в глаза, — королева драмы, выключись.

— Отвянь от меня, Рик, — серьёзно процедил Рей, упёрто сверля взором белый потолок.

Рик тяжело вздохнул и опустился на плед на большом подоконнике. Близнец его оттуда никогда не убирал, постоянно забираясь туда для чтения какой-нибудь литературы или долгих телефонных разговоров. Он стал ждать.

— У меня даже не было шансов. — Сам начал Кавани, когда затишье затянулось, — я всегда просто «надёжный друг».

Рик вскинул бровь и повернул голову к брату. Подтянул к себе одну ногу, продолжая болтать второй.

— Ты о чём?

— Этот Шакал меня бесит.

— А я думал вы спелись, — чуть улыбнулся Рик и посмотрел, как к нему повернулся Рей, как его лицо перекосило от недовольства, и как он сел в центре постели, бурча себе что-то под нос.

— Мы не спелись. Он увёл у меня моего кукустика!

— Рей, — вздохнул брат и что-то тихо протараторил на родном языке, отчего Рея передёрнуло.

— Я не понимаю твой грёбаный итальянский, Рик, — ещё больше насупился он и скрестил руки.

— Да всё ты понимаешь, лентяй, — отмахнулся тот и повторил.

— Je ne comprends pas, — на одном дыхании выпалил Кавани на французском, чем вызвал у своего близнеца мучительный стон. — Pourquoi me parlez-vous en italien? Nous ne sommes pas rentrés à la maison depuis quoi, dix ans? Je ne comprends rien à l'italien¹.

Рик закатил глаза и облокотился плечом на окно. Бежать было некуда. Рей заговорил на французском так, словно надавил на курок и запустил автоматную очередь. Парень же попытался его остановить, потом зажмурился и прижался лбом к стеклу — послышался гулкий стук. Слушая речь брата, Рик резко обернулся и вскинул руки.

— Рей. Рей, я ни хрена не понимаю, что ты мне говоришь. Рей. Рей, блядь! — рявкнул Рик, взбешённый поведением близнеца, — я не понимаю твой сраный французский.

— Как же так, — в миг переключился Кавани и фыркнул, — у тебя же была подружка в Страсбурге. Что, знание французского не передаётся через французский поцелуй? Какая досада.

Рик смерил его немигающим взглядом.

— А ещё мы там жили, что, уже успел всё забыть? — близнец скрестил руки на груди.

— Да, жили, — по скулам Рика заходили желваки. — И мы не целовались. А разговаривали.

— Разумеется, — улыбнулся Рей, переключиться со своей проблемы он был рад, — о чём же вы говорили?

— Об истории, об искусстве, об архитектуре... — парня начинало уносить в воспоминания, и брат поторопился притупить их, вклиниваясь в речь:

— Ну да, твою занудную лекцию про фахверк я никогда не забуду.

— Это не занудство. И ей нравилось, — тут же стушевался Рик и отвернулся к окну.

Пока он рассматривал пейзаж за окном, Рей задумался, возрождая в памяти образ девушки в лёгком белоснежном платье и чёрной портупее, подчёркивающей её фигуру. Усмехнулся.

— Ну да, у неё ещё тот фахверк был.

Рик кинул ему грубое «заткнись» и прыгнул с подоконника. Остановился он только в дверях, задержавшись там всего на пару секунд, чтобы обернуться к близнецу и с грустью напомнить своему брату:

— И это было не десять лет назад, а тринадцать. Нас не было дома тринадцать лет.

Рик прекрасно понимал французский, точно так же, как и Рей — итальянский. Они знали эти языки, но они просто не хотели их понимать, тоскуя по определённым вещам.

Рик ушёл, вспоминая солнечный день на набережной, когда они стояли и рассматривали фасады зданий, обсуждая конструкции. Её мама была немкой, переехавшей во Францию, и город был недалеко от границы с Германией, поэтому Рик успел выучить несколько предложений на незнакомом, достаточно жёстком для него языке.

В тот день она была по-особенному прекрасна. Но новость — разрушительна. Это был последний их день. Она уезжала в Америку, чтобы воплотить свою мечту. Голливуд был жесток, но её ничего не страшило, девушка рвалась вперёд к своей цели. Рик улыбался, крепко сжимал её руку и много шептал, касаясь губами её виска.

Он забыл произнесённые слова, но не забыл её поблёскивающие от подступающих слёз глаза и грустную, но до безумия искреннюю улыбку. Рик думал бросить к черту Лицей Понтонье, но отец, желающий своим детям только лучшее, в довольно жёсткой форме дал ему понять: учёба важнее подростковой любви. Рей тогда лишь хмыкнул, назвав своего близнеца размазней. Они подрались на выпускном, и разнимать братьев пришлось одноклассникам.

¹ Я не понимаю. Почему ты говоришь со мной на итальянском? Мы не были дома уже сколько, лет десять? Я ничего не понимаю в итальянском. (фр.)

Несмотря на обиды, цель оставалась общей. К Стэнфорду они начали готовиться ещё за год до этого: пока все готовились к бакалавриату во Франции, братья ночами напролёт разбирали тесты SAT² и переписывали эссе для приёмной комиссии. Когда французский лицей оставался позади, их ждала только Калифорния.

Он надеялся, что встретит её там, в Голливуде. Но так ни разу и не увидел её.

Рей долго смотрел на дверь, которая закрылась за его братом. В наступившей тишине память вернулась к оливковым рощам родной Тосканы, греющему солнцу в зените и бесконечному небу, такому яркому и невообразимо красивому. Он вспомнил ворчание бабули — она вечно шла со стороны рощи, причитая о том, что в доме много ртов, а помощников не дождёшься. Вспоминал деда, чей силуэт постоянно виднелся на ферме в облаке пыли и зноя. Счастливых родителей до развода, смотрящих друг другу в глаза с той особой, забытой нежностью.

Рей вернулся во времена, когда они с Риком, ещё мальчишками, прятались в густой листве, объедаясь спелым виноградом прямо с лозы. Их пальцы после становились липкими. Тогда на них ругалась уже мать, если заставала сыновей врасплох. В нос вдруг бросился запах диких высушенных трав. Он понимал, что ничего не было, но всё равно вспомнил этот свежий аромат, дарящий уверенность в завтрашнем дне.

Глава 9. Шакал в тени чужих

Айзек упал на кровать и раскинул руки, томно вздыхая от усталости. Тишина в доме казалась чужеродной. Грохот, брань рабочих и постоянный шум особняка, который стал ему родным, не выходил у него из головы. Возможно, он держал тот образ нарочно. Чтобы не забыть. Он не знал, сколько ему придётся отсиживаться у Стервятников, и что будет дальше. И ему не хотелось, чтобы память о Чикаго стёрлась. Слишком много пришлось там оставить.

Он открыл глаза на тихие шаги в коридоре и сосредоточил внимание на происходящем за дверью, сверля взглядом потолок. Человек остановился напротив его комнаты. Хиллу стало интересно, кто же решил потревожить его на этот раз.

Итан всегда входил тихо и без разрешения, как один из всадников Апокалипсиса. Значит, за дверью стоял ещё более неприятный тип, общество которого Шакал еле выдерживал. Говард вошёл в его комнату только после того, как капитан, услышав стук, произнёс: «Войдите», и посмотрел на него так, словно он уже успел в чём-то ошибиться. Например, родиться.

Брук пришёл к нему, чтобы вновь напомнить о безопасности и счастье Кассандры, а затем всучить ему очередное задание. Хилл смотрел на незнакомый адрес и слушал указания. Он понимал, что Стервятники медленно уничтожают своих конкурентов в Висконсине и рассчитывают себе дорогу на мировой рынок. Плавно. Аккуратными шажками. Без спешки. Но уверенно и твёрдо. Словно у них был чётко прописанный план...

Гарет?

Хилл нахмурился, продолжая слушать его вполуха, и тряхнул головой. Гарет пропал. Мужчина покинул Чикаго и выскользнул из лап и тех, и других. Гарет Брук исчез...

...ли на самом деле?

— О чём думаешь, — вытянул его Говард из мыслей своим незаинтересованным сухим тоном.

Хилл покосился на своё начальство.

— Так, о пустяках.

— Пустяки, будь добр, оставь на потом. Мне нужно, чтобы ты уложился с этим до утра. Можешь взять с собой Рея, он покажет тебе короткий путь.

² SAT — стандартизированный тест, результат которого необходим для поступления в колледжи и университеты США.

— Опять этот Рей, — тихо буркнул Хилл и в миг вскинул голову на непроницаемое лицо Говарда.

— Какие-то проблемы?

— Никак нет, — поднялся Айзек и поправил кофту.

Схватив со стола наплечную кобуру, он направился к двери, не задерживаясь с Бруком ни на минуту.

— Какие-тё плоблемы? — уже выйдя в коридор, покривлялся Хилл.

Рей нашёлся за вознёй в небольшом гараже у двухколёсного белого «Сузуки». Даже за этим делом, тот был одет как с иголки. Хилл остановился у входа, оглядев его с ног до головы и скрестил руки.

— Кавани.

— Чё тебе? — хмыкнул Рей, не отрываясь от возни с крылом мотоцикла.

— От Говарда, — он помахал рукой, между пальцев которой был зажат маленький листок.

Парень, сидя на корточках, упёрся предплечьями в бёдра, а потом задрал голову к потолку и протяжно выдохнул, тихо завыв на чужом Айзеку языке.

— Это же мой единственный выходной!

— Могу поехать один.

— Ага, — Рей поднялся и фыркнул, он подошёл к капитану и вырвал у него лист с адресом, — ещё чего. Сам он поедет. Никуда я тебя не отпущу одного, Шакал. Пошли.

Айзек развернулся на пятках и последовал за ним к агрессивному на вид «Субару БРЗ». Двери распахнулись почти одновременно, и парни опустили в салон спорткара.

— Вляпаешься ещё во что-нибудь, а мне потом это перед Говардом расхлёбывать, — Кавани плавно дёрнул ремень безопасности.

— Не думаю, что после косяка он оставит это тебе, — хмыкнул Хилл.

Рей, на его удивление, в ответ улыбнулся:

— Первым делом он молча выжрет мне мозги десертной ложечкой...

— А затем тебя словесно и морально отымеет Итан прямо в коридоре, — Хилл оторвался от вида в лобовом, повернул к Кавани голову и заметил одобрение.

— О да. Гляжу, ты уже успел вкусить.

— Я жених их сестры. С меня шкуру сдирают каждый день, скоро до нитей ДНК дойдут и будут их пинцетом аккуратно вытаскивать, — Хилл изобразил этот самый пинцет и потянул рукой вверх.

Кавани недовольно хмыкнул, но быстро взял себя в руки и мельком бросил на капитана взгляд.

— Ну да. Слышал как-то, как сильно они «рады» Шакалу в семье.

На время повисло молчание, и парни занялись тем, чтобы сверлить глазами трассу перед собой. Автомобили простых жителей неторопливо следовали своим маршрутам и сворачивали на перекрёстке, освобождая Стервятнику дорогу. Рей подцепил поворотник, а затем, мягко прокручивая руль одной рукой, упёрся свободным предплечьем в дверь и прервал их молчание:

— И это. Лучше разобраться до перестрелки и полного мяса. Так сказать, на суше. — Айзек полностью переключил на него внимание. — Я к тебе претензий не имею. Но если обидишь её, хоть пальцем против воли тронешь...

Хилл не дал закончить, спокойно завершая сам:

— Пристрелишь меня, как псину дворовую, как и полагается Шакалу, а затем закопаешь где-нибудь в лесу?

— Ну, перед этим я...

— Сделаешь из меня отбивную? — так же добавил капитан.

— Да, но...

— Ничего не расскажешь Кассандре, соврав, что я срочно уехал в Чикаго, а там весьма печально и скоропостижно погиб?

— Ну, нет, но что-то близкое, потому что ты...

— Дворняга и отброс, которого здесь не жалуют и терпят только ради хороших отношений с союзником и счастья Кассандры.

Рей замолк. Воцарилось долгое молчание, и Айзек повернулся к парню, когда тот вздохнул.

— Ну не так, конечно, жёстко... я не совсем так ярко тебя не перевариваю... Видимо, Итан и Говард реально тебе мозги регулярно выносят.

Айзек хмыкнул и дёрнул ручку, чуть толкая дверь, чтобы вылезти из салона.

— Я же говорил. Они регулярно поёбывают мне мозг.

Они выбрались из автомобиля и повернули головы. Пустынно, неуютно, голые деревья, обшарпанные двухэтажные домики, неухоженные лужайки перед ними и редкие низкие заборы со сломанными в некоторых частях досками. Айзек на всё это смотрел молча, Рей не постеснялся высказаться об отвращении к этой грязи и полузаброшенному виду, а затем уверенно направился по тротуару вдоль улицы, поправляя наплечную кобуру, скрытую под распахнутой курткой. Капитан поравнялся со своим «надзирателем».

— К слову, я против тебя ничего не имею, думаю, мы бы могли сработаться. Но соблюдай дистанцию с Кэс.

— Я её знаю больше твоего, я не прекращу с ней общаться, только потому что ты так захотел.

— Не позволяй себе лишнего, Рей. Это всё.

— Ну, я и не позволяю, я всего-навсего тактильный человек, как и Кэс, а это...

— Чш, — Айзек не остановился, но вынудил его затихнуть, прекращая пустую болтовню.

— Эй, я вообще-то не закончил, это не красиво...

Капитан опять шикнул, вынуждая Рея с раздражением замолкнуть. Кавани нахмурился и тихо прошипел:

— Да что не так?

— Кто-то слева, — вполголоса отозвался Хилл.

Кавани в миг отбросил все свои рассуждения. Ему хотелось обернуться, ведь в данный момент это была его слепая зона, но удержался и не стал, продолжая смотреть в тёмные сосредоточенные глаза напарника.

— Значит, ведём себя естественно.

— Не думаю, что они нам поверят.

— Здесь половина домов — домохозяйки с младенцами. Уж, должны.

Парни направились вдоль линии домов по тротуарной дорожке, но голоса поутихли. Вокруг ни звука. Казалось, что все люди вымерли, и их дома так и остались стоять здесь в память о пропавших владельцах. Шуршали лишь мелкие камушки под их ботинками да волоочащийся по асфальту целлофановый пакет, в данный момент смахивающий на перекасти-поле. Айзек поднял взгляд, и среди голых ветвей уловил короткую вспышку в приоткрытом окне.

Он знал, что это. Видел. И либо кто-то просто бесстрашен, либо денег на антиблик ему сильно не хватало.

— Вот дерьмо.

Блик от прицела снайперки Хилл знал, как свою «Беретту».

Он схватил Кавани за шкирку и рукав и дёрнул в сторону, обратно к двухэтажному домику, который они прошли. Рей только и успел ругнуться, но последовал за парнем в укрытие. Выстрел прошёл по касательной по ноге, но Шакал сжал губы, не издав ни звука — лишь вздрогнул от пронзившей его боли.

— Твою мать! — прошипел Рей и прижался к стене. — Винтовка?

— Грёбанный снайпер, — Хилл посмотрел на своё бедро с рваной тканью штанов и повернул голову, — откуда он у них?

— Нам говорили здесь всего-то небольшая банда, сколоченная недели две назад.

Послышался очередной выстрел, когда Айзек попытался выглянуть из-за угла. От напряжения по ноге словно полоснули ножом, но он заставил себя переключиться на проблему поважнее.

— И сколько у них человек?

— По данным не больше сорока, — Рей уже ощутил, что их подставили дезинформацией и добавил, — или куда больше.

Они достали оружие и проверили магазины, хотя прекрасно помнили, что перезаряжали их перед отъездом.

— Целая орава на двоих? — покосился на парня Хилл.

Тот пожал плечом, ему также не нравилась сложившаяся ситуация, но уйти им так просто не дадут. Если их ждали, скорее всего, колёса «Субару» уже были спущены. Кавани спешно набрал сообщение и убрал телефон вглубь куртки.

— Ты уже доложил Итану?

— Надеюсь, он быстро среагирует, — без веселья прошептал Рей и, собравшись с мыслями, стиснул в руке холодную сталь.

— И как мы его достанем? — Айзек был напряжён, словно перетянутая стрела, но что-то в мышцах отдавало тоскливыми воспоминаниями.

— Нам нужен только Гаспар Хорхе.

— Значит, остальных можно на мясо, — с привычной для родного Чикаго жестокостью подытожил Хилл и наткнулся на странный взгляд Рея.

— Остальные нам не нужны. Обезвредим да всё.

— Обезвредим? — Шакал не сдержался от смешка, — боюсь, не прокатит тут с ними по-нежному, придётся играть в такую же грязную игру, что и они, Рей.

Кавани уставился себе под ноги, видимо, думал, как лучше действовать в такой ситуации. Что-то в нём словно боролось. Добро и зло? В их положении и правда был только такой исход, хоть и жестокий. Либо они разберутся с этими людьми, либо эти люди пристрелят их и, как мусор, выбросят. Парень спешно кивнул, смиряясь с такой тактикой, и посмотрел в сторону нужного им дома.

— Ну и имечко, — поморщился капитан, сменив тему, и последовал за Кавани к противоположному углу здания. — Гаспар Хорхе.

— Зарождающийся мексиканский картель прямо под носом, знаешь ли, тоже не сладость.

Мексиканец, который бежал через границу в США два года назад, вдруг оказался здесь, в Милуоки. И этот человек давно собирался воплотить свои коварные планы, если исходить из списка его тихих дел. Сколотил банду он две недели назад, но кормил мигрантов обещаниями о светлом будущем под его крылом похоже давно. Так сколько же у него людей? Капитану не впервой попадать в передраги, граничащие с безумием. Иначе он бы не был известным всем Тенью и не известным полиции Айзеком Хиллом. Натягивая чёрную бандану с белыми узорами на нос, он скрыл половину своего лица и кротко хмыкнул, а затем тихо рассмеялся.

— Весело тебе?

— Да так, — отмахнулся капитан, — кое-какие воспоминания. Пошли вытравливать этих тараканов с нашей земли.

— Ты хотел сказать «с вашей», — усмехнулся Рей и выглянул из укрытия, готовый стрелять, — «с вашей земли».

Хилл замер лишь на секунду, прислушивался. А затем резко обернулся к напарнику и выпустил по паре пуль в мексиканцев за спиной Кавани, добравшихся до их укрытия.

— Я хотел сказать с «нашей», с нашей американской земли.

Охваченные адреналином, они переглянулись и заметили в глазах друг друга знакомые огни.

— Пошла жара, — оскалился Кавани и встретился с тем же хищным изломом губ, что и у него.

Перестрелка и азарт — им обоим нравились эти опасные игры, загоняющие в угол. Потому что они знали, что из этого угла есть скрытая от глаз лазейка.

Глава 10. Безумный дуэт

Их магазины давно опустели, и им приходилось одалживать штурмовые винтовки и пистолеты у павших врагов. Одежда запачкалась кровью, а улицу заполнили целые реки. Никаких домохозяек с младенцами здесь не было — пустые дома или дома, забитые рослыми мужиками с оружием. Говорили на испанском. Ни Айзек, ни Рей этот язык не знали.

Голоса перекрывались один за другим, за выстрелами следовали крики или затяжные стоны. Металлический запах вьелся в ноздри, а перед глазами повсюду мелькали алые пятна. Они не отдавали отчёт своим передвижениям — просто разбирались с толпой в банальных попытках выжить. Хилл ненавидел использовать живые щиты в бою, но ему пришлось. Толкая труп на его товарища, капитан сделал два выстрела, услышал щелчок опустевшего магазина и, выругавшись, ударил прикладом нацелившегося на него парня. Совсем юный, лет шестнадцать от силы. И тоже полез в это преступное дерьмо, думая, что либо оно поможет ему выбраться со дна, либо он станет крутым и опасным, пойдя по стопам своего брата или друга. Классическая ошибка юности в гетто.

В Чикаго многие пытались залезть в банды уже лет с семи. Что самое ужасное — для неблагополучных семей это было нормой, а кто-то и вовсе шёл по стопам старших братьев или отцов. Желание быть крутым и опасным становилось ловушкой без выхода.

Опасным ты, конечно, станешь. Для общества. Для простых мирных жителей. Для своей семьи. Для любимого человека.

Мало кто выдерживал испытания, которые банды устраивали при выходе из своего «братства». А некоторые просто не желали покидать тонущий корабль, оставаясь на нём вместе с капитаном.

Айзек увернулся и нырнул под руку одному из мексиканцев, который остался с ним на крыльце. До снайпера они так и не добрались, приходилось укрываться в зданиях и за ними. Нога кровоточила, а на руке горели свежие порезы от вражеского ножа. Рей затерялся где-то на втором этаже. Оттуда слышались только матерные высказывания самих мексиканцев. Понял он это чисто интуитивно.

Хилл повернулся на звук битого стекла и крик. Мужчина выпал из окна второго этажа на подъездную дорожку перед домом. Капитан не видел всего, что произошло, но услышал, как на крышу крыльца кто-то спрыгнул. Айзек инстинктивно напрягся и повернулся, вскинув руки с сжатым пистолетом, отнятым у противника. Родная «Беретта» висела в наплечной кобуре пустой. Ловко спрыгнув вниз и пригнувшись с оценкой обстановки, Кавани резко повернулся к Айзеку с направленным на него стволом. Оба облегчённо выдохнули, заметив лишь друг друга, и опустили оружие.

— Это всё? — Айзек перевёл дыхание.

— Это всё. Но здесь всё ещё снайпер и вон те злые бандюги.

— Судя по всему, — он обошёл дом с слепой для мексиканцев стороны, Рей последовал за ним, — охраняют Хорхе.

— Чего ж он сам в бой не выйдет?

— Зачем, если пешки есть? — капитан повернулся вполоборота, чтобы всмотреться в хитрые зелёные глаза.

Кавани молчал. Ответ лежал на поверхности, но для Стервятников казался чуждым. Чего не скажешь о Шакале, который познал множество предательств и часть из них ощутил на своей шкуре. Сколько лишь в одном его отряде служили ему верой и правдой, а за спиной лили грязь и точили ножи. Один лишь Джон был ему верен до конца. Хилл это знал.

Ещё перед отъездом он заметил в окне соседнего дома его фигуру. Не мог выйти, но всё же нашёл способ проводить своего босса и отдать честь. Как солдат капитану. Как верному другу. Айзек заметил его и лишь быстро кивнул, а затем сел следом за Кассандрой и захлопнул дверь «Ауди».

Сердце вновь затосковало по дому и друзьям. Он переживал о придурке Лиаме, который постоянно влипал в неприятности, думал о непостоянном Сэме и волновался о, — как бы странно это ни звучало, — здравости его ума. Даже задумался о том, как без постоянных перепалок с ним поживает второй капитан, Малкольм Рид.

Сейчас у Шакалов полно забот. После смерти Томаса всё обрушилось им на голову. А Хилл не мог помочь, отсиживаясь у союзников из-за того, что собственные солдаты могли содрать с него три шкуры за убийство Саймона.

Но он тронул его будущую жену, и Айзек нисколько не жалел о содеянном.

Вспомнив об этом, Хилл не на шутку разозлился.

— Эй? Ты чего? — Рей положил руку ему на плечо.

— Порядок, — капитан отмахнулся и тяжело выдохнул, возвращаясь в реальность.

Не время на тоскливые страдания и порывы слабости. Вообще-то, он в самом эпицентре разъярённого осинового роя. И его скоро ужалят.

Хилл перезарядил пистолет и повернулся спиной к Кавани. Над их головами вновь прозвучали выстрелы.

— Давай уже покончим с этим дерьмом.

Гаспар Хорхе оказался самым простым мужчиной за тридцать пять без особых примет, которые могли бы выделить его среди простых людей. Обычные чёрные волосы, обычные чёрные глаза, неатлетическое телосложение и пивной живот. Только выражение лица выдавало в нём преступника: было в нём что-то враждебное и отталкивающее, взгляд цепкий, слегка прищуренный. Когда Кавани и Хилл уложили всех его парней, мигрант скучающим видом прошёлся по трупам и взглянул на напарников так, словно в ловушке оказался не он, а они. Парни не опускали руки с оружием, ожидая от такого человека любого выпада.

— Хреново у вас гостей встречают, — начал Рей и покрепче сжал пистолет.

— *Bastardos. Mataron a la mitad de mis hombres*³, — бросил мексиканец и встал так, словно готовился к бою.

— Эй, чего сразу *bastardos*⁴? А повежливей нельзя? — фыркнул Кавани и выстрелил ему под ноги, — на месте стой. *Bastardi*⁵, — озлобленно прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Мужчина сразу ослабил вернул стопу на прежнее место. Пол скрипнул.

— Ты же сказал, что не знаешь испанский, — Хилл обратился к напарнику, но не отвёл взгляд от мексиканца и направился к нему, убирая пистолет и вытаскивая из-за пояса наручники.

— Испанский нет, но он имеет сходства с итальянским, — пояснил Кавани, на что Хилл усмехнулся.

— И, конечно же, ты его знаешь.

— Знаю, — серо отозвался напарник, — зачем тебе наручники?

³ «Ублюдки. Вы убили половину моих людей». (исп.)

⁴ «Ублюдки». (исп.)

⁵ «Ублюдки». (ит.)

— Хочешь, чтобы он сбежал, пока мы будем из него информацию выбивать? — Айзек защёлкнул одну руку мексиканца в металл и выругался. — Перестраховка.

Одно Хилл не учёл: мексиканец ещё не сдался. В один момент Гаспар дёрнул его на себя и крепко ухватил за шею, надавил на неё предплечьем и закрылся парнем от пистолета Кавани, который тот вскинул. Оба искусно выругались: Айзек — на английском, а Рей — на итальянском.

Он вцепился в руку мексиканца, пытался ослабить хват и нырнуть вниз, чтобы вырваться. Попробовал подставить подбородок, чтобы уменьшить давление, но Гаспар сильнее заломил ему шею, заставляя замереть — в таком теле оказалось неожиданно много силы.

— Mollalo⁶! — грубо процедил Рей.

Когда Кавани кинулся к ним, блеснуло лезвие и самым кончиком прикоснулось к щеке напарника. Рей выругался сквозь зубы. Притормозил и медленно вскинул руки, всё ещё держа пистолет. Когда же мужчина сильнее надавил на горло, помогая себе в этом второй рукой, то капитан ощутил, как ему резко перекрыли кислород. Хилл хрипло прошипел пару ласковых слов, игнорируя запас воздуха в лёгких. От новой попытки вырваться нож замер в опасной близости от его глаза.

Рей рыкнул на мужчину и плавно опустил пистолет на пол, после выпрямился обратно и ногой толкнул его от себя в сторону. Руки Кавани всё ещё находились в зоне видимости Хорхе.

Кавани и Хорхе переговаривались на двух языках, словно таким образом могли понять друг друга и договориться. Хилл не понимал ни слова, и это его ужасно раздражало. Но совсем скоро у него закончатся остатки кислорода, и он тушкой рухнет на пол — тогда ему уже будет плевать, что вокруг него в последние несколько часов говорят не на английском. Хорхе сильнее надавил рукой на ту, которая обхватывала горло Хилла, и нож съехал немного дальше, позволяя Айзеку меньше переживать за сохранность своего глаза. А вот в шее, казалось, сейчас что-нибудь сломается.

Напарники не успели осознать происходящего, когда за спиной Рея хлопнул выстрел. Он резко обернулся. Пуля вошла мексиканцу в ногу. Хорхе вскрикнул, нож дёрнулся и полоснул капитана по шее, но хватка ослабла. Гаспар завалился на бок, вывалив на Стервятников поток испанской ругани. Хилл упал следом, схватившись за горло, и с рваным вдохом тут же судорожно закашлялся.

Айзек, слушая речь у себя над ухом, подумал о том, какой громкий и надоедливый был этот испанский язык — его точно придумали для пыток, чтобы изводить людей.

Итан, одетый в классические серые джинсы и свитшот с торчащей под ним белой футболкой, шагнул вперёд.

— Двинешься, и следующая будет в плечо, — сухо предупредил он мужчину.

Тот либо не понял, либо не стал слушать — выстрел пробил плечо, припечатывая Хорхе к стене. Кавани подбежал к напарнику и помог ему подняться. Хилл сипло выдал благодарность и поднял взгляд на Гоффа, который полностью ушёл в работу. Он быстро переключился на испанский язык и ответил Хорхе с ощутимой угрозой в голосе. Схватил мужчину за ворот и грубо дёрнул вверх. Мексиканец взялся окровавленной ладонью за его запястье, пачкая кофту, и Айзек увидел, как взгляд Гоффа стал убийственно-ледяным. Словно говорил: «Ты испортил мне одежду, грязный ублюдок».

— Ты расскажешь мне сам, где твои плантации, или мы будем играть в угадайки? — вернулся к родному языку Итан и схватил его за руку, выгибая запястье под опасный угол. Мужчина от боли завыл, но парень был непреклонен, — у меня десять попыток, Хорхе. Пока я не сломаю тебе все пальцы на руках и не перейду на рёбра. Тогда мои шансы возрастут от десяти до тридцати четырёх.

⁶ «Отпусти его», «разомкни хватку». (ит.)

Замораживающий и звенящий сталью голос Гоффа пробирал до костей. Айзек видел лишь его спину, но ему вдруг померещилось, что перед ним не брат Говарда, а Филипп Коинс в том облики, в каком его знали более тридцати разыскивающих его стран. В помещении стало душно от напряжения и слишком холодно от присутствия Итана.

Хруст ломанного пальца перекрылся раздражающим перепонкой ором. В отличие от Рея, Айзек не шелохнулся и продолжил смотреть на мексиканца, который ещё недавно казался им каким-то почти крутым преступником. Сейчас он казался всего лишь мигрантом, решившим, что способен нагнуть Мексику и Америку.

И вот, появляется Итан Гофф, заместитель главы Стервятников, и нагибает его.

— Быстро и без регистрации ставим на учёт по раздаче пиздюлей. Достаточно оперативно и ответственно подходим к своему делу, — саркастично озвучил Хилл вполголоса, ожидая, что Кавани его шутку оценит.

Но парень застыл на месте.

Айзек вскинул бровь и помахал рукой перед его лицом, привлекая внимание.

— А? — Рей моргнул, словно очнулся от сна, — что?

— Ты в норме?

— А, да... — он дёрнулся от четвёртого хруста, и капитан понял, что это ложь.

— Ладно. Пойдём на воздух. Здесь слишком душно от упёртых баранов. — Хилл обернулся на Гаспара Хорхе, который орал во всё горло и пытался высвободиться из захвата Итана.

Айзек быстро прокрутил в голове разборки, на которые он уже выбирался с Реем. Игра в «войнушку» у этого не переходила те границы, которые обрушивались на Шакала с его первого дня на посту капитана. Он знал, что такое настоящие пытки, какие вопли доносятся из подвалов и что лучше сделать, чтобы человек от шока выпаливал им всё, что знает, вплоть до своей родословной.

Хилл похлопал напарника по плечу, и затем они вышли из комнаты и спустились вниз. Повсюду стояли мужчины в чёрной спецназовской одежде с автоматами наготове. Встретили их нерадушно, но, когда Рей чуть вышел вперёд, и его узнали, парни опустили оружие и потеряли к ним интерес.

Прохладный сладкий воздух приятно приник к лицу и добрался до лёгких. Айзек приоткрыл губы и медленно вдохнул, радуясь возможности вновь сделать это полной грудью. Хотя горло всё ещё саднило, и в нём отдавало тупой болью в районе кадыка.

— У тебя хорошая выдержка, — тихо сказал Кавани, и покосившись на напарника. Помолчав, добавил: — Тренировался небось?

Айзек повременил с ответом. Задумался о том, какое событие окончательно его изменило. Вспомнить было трудно. Всё его существование — это сплошной справочник по выживанию и методичка по самоконтролю. Хилл просто не мог позволить себе саморазрушаться и катить себя на дно собственными руками. Здесь ещё оставались те, кому он был нужен. Если жизнь так желала избавиться от него, то ей придётся ещё постараться его убрать. Просто так он сдаваться небытию не собирался. Пусть помучаются с тем, как его с этой земли стереть.

— Ну да. Лет тринадцать тренировок, и тебе тоже будет плевать на вой бессердечных ублюдков, — однотонно отозвался Хилл и не узнал своего голоса.

Ни смеха, ни скрытого сарказма. Только бьющая в глубинах души злость от несправедливости и удерживающий её на самом дне холод.

Рей смотрел на него молча. Думал, что сказать и как лучше его спросить. Стоит ли вообще о чём-то спрашивать.

— Если интересно, выкладывай. Собирать слухи обо мне не надо. Найдёшь ты мало чего, — бросил Хилл, разглядывая дорогу, по которой они пришли. Теперь там стояло два чёрных внедорожника, каждый из которых вмещал в себя человек по десять.

— Где твоя семья?

— Кэс — моя семья, — не задумываясь, ответил Айзек и убрал руки в карманы. — И пацаны.

— Я имею в виду... — Рей замолчал, потому что капитан перебил его:

— Я понял, о чём, — прервал он, — нет у меня никого. Почили все. Батю от роду не знал, свалил восояси, не знаю, может, живёт сейчас в шоколаде где-нибудь, — Хилл тяжело вздохнул и опустил взгляд на перепачканные ботинки, — так что Кэс и... парни — вот и вся моя семья. А другой мне уже и не надо.

Кавани ждал, что он скажет что-нибудь ещё, но Айзек замолчал и больше не произнёс ни слова. За спиной раздались стремительные шаги. Гофф молнией вышел из дома и направился к двум мужчинам. Те встали по стойке смирно и стали выслушивать его приказ. Бросив в унисон «Есть, сэр!», они бегом отправились в дом.

— Откуда у вас спецназ? — перевёл тему Айзек.

— Спрашивай лучше у Говарда, — хмыкнул Рей и облокотился на балку крыльца, — потому что, насколько я выяснил, почти вся полиция Милуоки им куплена на год вперёд. Считай, он их посадил на зарплату за то, что они закрывают глаза на все наши дела, — после долгой паузы он задумчиво добавил: — может, это не спецназ вовсе...

— А нам только палки в колёса... — задумчиво прошептал Айзек и потёр нижнюю губу. Мысли вновь возвращали его в родной край.

— Что?

— Мысли вслух, — отмахнулся Хилл и повернул к нему голову, — поехали, раз мы здесь больше не нужны.

Айзек направился к машине, мысли полностью унеслись к Шакалам. Каждый раз им мешали — крысы, Вороны, полиция, Змееносцы, снова Вороны, снова крысы, снова вмешивалась полиция. Всё это собиралось в такой снежный ком, что к тому моменту, как он их настигал, его остановить было невозможно — он сшибал с ног.

«Кто-то постоянно мешал нам подняться. Что изменится сейчас, когда Тома не стало? Сложно поверить, что не найдётся другая проблема», — новые размышления не давали капитану покоя.

Когда они добрались до автомобиля, то убедились, что колёса «Субару» спущены, и тяжело вздохнули. Оглядели одежду друг друга, посмотрели на ранения. Рей получил множество порезов, которые смягчила его куртка. Синяки ещё долго будут покрывать скулу и торс. Хилл, только вспомнив, как пуля царапнула ногу, ощутил неприятную пульсацию — адреналин схлынул, и тело напомнило о своей уязвимости. Потрогал шею — корка запёкшейся крови стягивала кожу, горло продолжало саднить. Он машинально провёл по нему пальцами. Порезы на коже Айзек просто проигнорировал — затянутся. Кавани поднёс телефон к уху и дождался, когда стихнут гудки.

— Рик, забери нас, адрес тебе сейчас вышлю, — он сбросил звонок и с тоской посмотрел на свою машину, — потом придётся ещё и эвакуатор вызывать...

Глава 11. Так себе искусство

Айзек бы и дальше прекрасно проводил время в объятиях Кассандры, но у обязанностей, сброшенных на него Итаном, были свои планы.

Вылезать из-под тёплого одеяла оказалось тяжело. Девушка повернула голову и проследила за тем, как капитан натягивает футболку и хватает со стула кобур. Старый шрам на боку скрылся под тканью. Девушка посмотрела на почти затянувшийся порез на шее и еле заметные следы на ней, но смолчала — знала, что отвечать на них честно он не станет.

— Снова дела, — Кэс положила голову на его подушку и с грустью улыбнулась, — Говард совершенно не даёт тебе отдыхать.

— Почему же, — усмехнулся Айзек, прекрасно понимая умысел начальства, — он дал мне целых два выходных.

— Когда я ночевала у подруги, подготавливая проект, — нахмурилась она, — это нечестно.

— Да, — протянул Хилл и накинул на плечи куртку, — а кто говорил, что Стервятник будет играть честно?

Он посмотрел на девушку и заметил на её лице молчаливое неодобрение. Парень вздохнул и вернулся к кровати. Нагнулся, оставил лёгкий поцелуй на её губах.

— Извини.

— Вы до сих пор не ладите, — она не спрашивала, она уже это знала.

Капитан выпрямился и задумался, прежде чем пожать плечом.

— Мы... ладим.

— Врёшь ты, — вздохнула Кэс и поднялась на кровати, становясь выше Хилла, ему пришлось поднять голову, — вы не ладите.

— Мы в процессе, — улыбнулся парень и обвил её руками вокруг талии, она положила руки ему на плечи, — всё хорошо. Тебе не стоит волноваться.

— Если он будет тебя обижать, я пойду и всё ему выскажу, — нахмурилась Кассандра.

Айзек тепло улыбнулся, обхватил Кэс за талию, чтобы опустить с кровати на пол, и коснулся её губ своими, притягивая ближе к себе. Девушка сильнее обхватила его шею руками, одна из них поднялась выше и запустила пальцы в волосы. Всего лишь поцелуй, лёгкое прикосновение и игра с его локонами — но от каждого её действия Хилла бросало в жар, и ощущение раскалённого воздуха становилось сильнее. Он зарылся носом в её шею, и вдохнул сладкий и опьяняющий его аромат.

— Моя сладкая печенюшка, — с улыбкой прошептал капитан и неторопливо поцеловал Брук в плечо.

— Что?

Он улыбнулся и качнул головой.

— Ничего. Ничего, — он чмокнул её в губы и нехотя отпустил. Поправил футболку и с трудом вдохнул полной грудью.

Приходилось удерживать себя на месте, чтобы прямо сейчас не наброситься на девушку, плюнув на все обязанности. Её уголки губ вдруг поднялись. Кассандра смотрела ему в глаза и видела, как зрачки парня стали чуть больше. Затем чуть меньше. Быстро — но очень заметно.

— Что?

— Ничего, — Брук засветилась, теперь была её очередь, — ничего.

Она потянула его к себе и чмокнула в губы. Он не успел ухватить её и вновь притянуть к себе, чтобы сократить то жалкое расстояние, которое между ними было: Брук уже отскочила от него и слезла с кровати с противоположной стороны. Поправила волосы, взяла телефон и открыла мессенджер. Хилл наблюдал за ней, игнорируя время. Словно то остановилось для него навсегда, лишь бы у него была возможность любоваться ею.

— Ты опаздываешь, — девушка повернула голову, — Рей уже под окнами тебе сигналил.

— Иду, — желая остаться в комнате, Хилл вышел за дверь и вздохнул, прикусывая изнутри щёку.

Выходя из дома, Айзек не встретил ни Итана, ни Говарда. Все вдруг чудеснейшим образом испарились именно в тот день, когда Кассандра вернулась домой. Он прыгнул в салон «Субару БРЗ», и автомобиль с рычанием рванул на дорогу. Солнце играло с влажной землёй, но сильно слепило парней, поэтому очки быстро скатились на переносицы, а козырьки в салоне — опустились.

— Итак. Мексиканцы, торгоши, кучка неудачников из гетто, очистка от сброда, — перечислял Хилл, разглядывая улицу, на самом деле все его мысли возвращались обратно домой, к той, кто сейчас сидел и переписывался с друзьями в тёплой постели, — что у нас дальше?

— А дальше всё просто, — хитро прищурился Кавани и убрал одну руку с руля, — ты когда-нибудь устраивал поджоги?

Хилл не стал отвечать, молча рассматривая бесов, плескающихся в глазах у Рея, как играющихся на поверхности воды рыб в озере Грюнер-Зе под солнечными лучами. Что-то в этом человеке всё-таки было безумным. Растерянность с прошлой их перестрелки не оставила и следа на его лице.

Впрочем, и Хилл сам нормальным не был.

Он усмехнулся и отвернулся к окну:

— Что ж, видимо, будет жарко.

На месте уже всё было готово. Солдаты приехали раньше Айзека и Рея, и уже стояли на позициях, выполнив указания своего начальства. В один угол, прямо у двери, сброшены канистры с бензином — масляная дорожка тянулась прямиком к дому, который казался окружённым и пропитанным, словно губка. Доски на первом этаже приобрели более тёмный оттенок, отличаясь от тех, что были выше. Когда парни подошли к чистому чёрному входу, который ребята намеренно не стали трогать, в нос бросился специфический резкий запах.

— Он внутри? — Кавани жестом приказал открыть дверь, и мужчина тут же дёрнул за ручку.

— В гостиной, сэр.

Хилл последовал за напарником внутрь. Чем ближе они становились к комнате, тем отчётливее слышались мычание и скрип стула. Кавани глубоко вдохнул, на секунду остановившись перед аркой, а затем вошёл в помещение. Капитан не мог не заметить этой заминки от Кавани, но промолчал и шагнул следом.

Мужчина мычал, пытаясь донести что-то до нового гостя. Но смотрел на них тот так, словно накладывал проклятья до тринадцатого колена.

— Не буду врать. Я не рад тебя видеть, — Рей убрал руки в карманы и прошёлся по гостиной.

Хилл решил остаться на месте недалеко от входа. Стал разглядывать помещение, в котором на первый взгляд не было ничего примечательного. На самом же деле на камине стояли статуэтки, приобретённые за границей на торгах в Пекине и Испании, на стенах висели картины, некогда выставленные на аукционе в доме Таян в Париже. Кресла, обтянутые натуральной кожей, идеального состояния паркет эксклюзивной обработки, мебель с дорогими вставками из атласного дерева. Сверкающая на потолке люстра из хрусталя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.